

Владимир Карагодин

ПЫЛАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

Юго-Восточного фронта

Владимир Карагодин

**Пылающий горизонт
Юго-Восточного фронта**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Карагодин В. А.

Пылающий горизонт Юго-Восточного фронта / В. А. Карагодин —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Лето 2014 года, Украинская армия ведёт карательную операцию на Юго-Востоке Украины. Разрозненные отряды ополчения, неся потери отступают к Донецку, город находится на осадном положении. На помощь ополченцам из разных уголков России отправляются обыкновенные парни, чтобы помочь тем, кто из последних сил сдерживает во сто крат превосходящие силы противника. Оказавшись в отряде Моторолы, они попадают в мясорубку передовой. После пребывания на территории боевых действий, многие моменты для них становятся не понятными, но ясным становится одно, эта война, -взаимное уничтожение двух братских народов, и победы здесь быть не может.

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1. Перед отъездом.	6
Глава 2. Снайпер.	18
Глава 3. Граница.	26
Глава 4. Филиал.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Предисловие.

«Ребятам ДНР и ЛНР,
а также всем матерям
не дождавшимся своих сыновей,
посвящается...»

В новейшей истории России было немало различных войн и локальных конфликтов. Уже не многие вспомнят имена героев двух первых Чеченских компаний, потому как преступные действия политиков, которые заключали мирные соглашения с боевиками, убийцами и насильниками, нынешняя власть постаралась забыть вместе с теми, кто отправился наводить конституционный порядок в мятежной республике. Были и удачные операции, такие как в Абхазии и Южной Осетии. Это произведение, о добровольцах, участвовавших в событиях на Украине, о тех, кто отправился на защиту Русского мира и всех причастных к нему.

В этой книге нет последовательно точно изложенных событий, читателю даётся возможность хоть на немного окунуться в атмосферу войны с точки зрения не профессиональных военных, а обычных людей, которым свойственно думать, размышлять, сомневаться. А также рассмотрены острые вопросы для нашего времени, которые ставят под сомнение само существование Русского мира. Так имеем ли мы право называться Славянами, Русскими, наконец. Или мы уже не достойны памяти предков, а уж тем более отождествлять себя с великой нацией?

Или всё же оказавшись на краю пропасти, мы, как и раньше, способны на подвиг. Справимся ли мы с этой опасностью? Ведь теперь, России противостоит не внешний враг с чётко очерченными границами. Этот враг находится среди нас, являясь вирусом, пожирающим все присущие Русскому духу ценности, обезличивая нас, он, сокрушая все столпы истины, на которых издревле строилась великая нация, тянет нас в бездну, а мы, поддавшись искушению, даже не пытаемся сопротивляться.

А может, и не было ни какой великой нации? Ведь не могут же потомки «великих гиперборейцев» жить только ради хлеба и зрелищ.

Глава 1. Перед отъездом.

По пролёту механического цеха с довольным видом на лице прогуливался токарь Алексей. Нет, меня не раздражало его обрюзгшее тело, которое издали, напоминало мешок с небрежно брошенным в него мусором. Раздражало выражение его лица, вернее ухмылка, с которой он гулял по цеху. Это был уже не мужчина. Он напоминал подобие жалкого клоуна, мечтавшего когда-то стать укротителем тигров, но так и забросившего свою мечту на полку из-за жены и ребенка, которых ему нужно было кормить. Он был доволен своим положением, так как новое место работы, сулило ему стабильный заработок, а также большую бутылку пива после работы. Чтобы не нервировать жену, Алексей выпивал на улице, иногда с коллегами по цеху, но больше в одиночестве – чтобы не делиться. Наверно, это и есть духовная смерть, когда человек превращается в овощ, не потому что его сбил машина и врачи вынуждены поддерживать его жизнь с помощью аппарата, а потому, что он сам совершил самоубийство своей личности.

В голове постоянно вертелась мысль: «Туда, скорее туда». До отпуска оставалось три недели, но сил ждать уже не было, поэтому пришлось покупать больничный лист. Несколько тысяч рублей и у меня на руках будет голубой листок, которым можно будет прикрыть свой досрочный отъезд. Хотя тогда я думал, что возможно он и не пригодится вовсе: «Всё же не в лес по грибы еду». Нет, такие мысли нужно гнать подальше.

Незадолго до отъезда к нам на работу устроился молодой парень, мы с ним быстро подружились. В основном общим интересом наших приятельских отношений было то, что мы оба презирали «Жирного», такую кличку мы дали Алексею, хотя я, предлагал называть его «псом»,

за его любовь пресмыкаться перед начальством. «Закон подлости: когда на работе стало весело, мне выпала дальняя дорога...

Витёк, так звали моего нового приятеля, в молодости проходил службу в Чечне. Там он получил ранение в ногу, причём очень серьёзное, рассказывал, что грозила ампутация, но хирург сделал чудо, и о той войне ему напоминала лишь тупая боль перед сменой погоды.

И зачем тебе туда ехать? – говорил он, – и без тебя разберутся.

Понимаешь, может тебе покажется это громкими словами, но как же я могу дома-то сидеть, когда там мирных жителей эти подонки из гаубиц расстреливают. К тому же во мне есть и казачья кровь, которая иногда вскипает во мне, призывая умереть с оружием, а не с гаечным ключом в руках, пока меня из завода не вынесут. Для казака всегда было честью умереть с оружием в руках, раньше так воспитывали, жаль, сейчас нет тех традиций, да и казаков, на всю Россию не больше двух полков осталось. Самое главное, чтобы не инвалидом остаться.

Но Витек смотрел на меня стеклянными глазами и не понимал, почему я туда еду.

– Да и за кого там воевать, если там одни хохлы живут. А наша граница на замке! – сказал он, закуривая сигарету.

Придя домой, я оглядел свою квартиру. На окне лежал кот, и вдруг так стало жалко всё это бросить. Удивительно, но все моменты, которым я раньше не придавал значения, теперь оказались значимыми. Даже строящаяся возле дома пивная, вдруг стала такой важной, как будто я несколько лет ждал её открытия.

Зазвонил телефон, на экране высветился незнакомый номер, поздоровалась девушка. Первую часть разговора я не мог понять: «Кто же это?!», но после слов: «Мы в одноклассниках познакомились», – мне всё стало ясно, очередная жертва социальных сетей, которая мечтает найти серьёзные отношения в интернете. «Эх, твоё счастье, что я уезжаю».

Она утверждала, что я обещал ей сегодня встречу. Не подходящее время, но нельзя же быть должником перед отъездом.

Юле оказалось двадцать шесть лет по паспорту, а на вид намного больше. Прогуливаясь с ней в спальном квартале, я не видел смысла тащиться с ней в кафе. Ведь придётся идти с ней через бульвар, а там обязательно наткнёшься на знакомых. Показаться там, в компании с этой огородницей я просто не мог себе позволить. Поэтому когда мы присели на одной из лавочек, всё началось как обычно. После дежурных вопросов, посыпались избитые фразы:

– Тебе двадцать восемь лет и ты не женат? А почему?

– И даже не был?

Чувствуешь себя будто в поликлинике на приёме у врача. Ну, разве я виноват, что не хочу быть таким, как все. Либо у всех женщин есть скрытое желание поженить всех мужиков, пусть даже не на себе, чтоб они вот так не разгуливали и не веселились, либо ими управляет вселенский разум.

После того, как я сказал Юле, что это наша последняя встреча, её глаза округлились, и она сказала:

– Мог бы и не говорить, что я тебе не понравилась, лучше бы ты промолчал, этого было бы достаточно, я бы не названивала.

– Ах-ха-ха, я тоже за правду, но не до такой степени... «Чтобы обижать убогих» – мелькнуло у меня в голове.

...Нет, я завтра уезжаю, а ты просто так, мимоходом попалась.

– А куда ты уезжаешь?

– На Украину.

– И, что ты там будешь делать?

– Грибы собирать! Юля ты телевизор вообще не смотришь?

– Ты дурак? – очевидно осознав причину моего отъезда, воскликнула она с возмущением.

– Ну, конечно, если бы я в пьяной драке заступился за какую-нибудь незнакомую мне девушку, и меня подрезали на смерть, то это было бы геройство, так ведь умные парни поступают.

Лицо Юли стало похоже на лицо Витька, она с досадой смотрела на проходившую мимо нас держащуюся за руки пару, и наверно думала, что в очередной раз социальные сети ей ничего хорошего не принесли.

Насидевшись, я предложил ей прогуляться по кварталу, деликатно направляя её в сторону остановки. Она шла чуть впереди и у меня была возможность рассмотреть её. Со спины она была похожа на мужчину, широкие плечи и узкие бёдра. Дополняла её нелепый вид, джинсовая куртка, с ещё бабушкиным платьем. Я не был женоненавистником, наоборот, я всегда говорил, что на женщине лежит очень большая ответственность, в особенности сейчас, когда мужчины спиваются и умирают от передозировки наркотиков. Ведь это женщины воспитывают детей, пока их отцы на работе и в длительных командировках. Ведь это они, большую часть времени, проводят с маленьким сыном, когда их отцы ещё не берут с собой в гараж или на рыбалку. От того какие качества, привьёт мать своему сыну, возможно и будет его дальнейший характер. Ведь, как известно, воспитывать нужно пока ребёнок лежит поперёк кровати, а когда вдоль, уже бесполезно. А чему научит своих детей эта Юля? Хорошо если будет мальчик, тогда его воспитанием будет заниматься улица, пока она будет искать очередного мужа. А если родится дочь? Страшно даже думать об этом.

«Что же тебе надо-то от меня?! – думал я. Беги домой, рожай детей от охранника, грузчика или дворника, ведь только мужчины без лишних притязаний к судьбе, поведутся на твои «прелести». Стране сейчас нужны продавцы, сварщики, а она в двадцать шесть лет ходит по свиданиям и ищет принца на ночь. Про таких женщин, мужчины говорят: «Прилипала». Вот такие «мамочки», как она, подлаживаются под холостяков, а потом бегают за ними с ребёнком в котомке и кричат всему миру: «Вот посмотрите на него, он бросил своего ребёнка, ах какой подлец, как он мог!» Забывая при этом главное правило в жизни, дети должны рождаться от любви, а не от того, что кто-то захотел кого-то удержать у своей мятой юбки.

Мы шли с ней около пяти минут, и в принципе по её коровьему взгляду я понял, что Юля сегодня готова если не на всё, то на многое, но кроме отвращения к ней, я не чего не испытывал, потому как картинка в социальных сетях отличалась от оригинала. «Да здесь придётся очень много выпить, чтобы залезть на тебя» – думал я, брезгливо разглядывая её.

– Юля, а ты будешь меня ждать? – с иронией спросил я.

Она рассмеялась, хотя в её смехе было больше отчаянья, чем веселья.

– Конечно, дождусь, только если целым вернёшься, а без ноги или руки жених мне не нужен.

«Ну и ну! – думал я, – а женщина-то с амбициями, ещё и выбирает». И зачем ей эта свобода, данная в годы лихолетья. Вот в царские времена, была бы эта Юля крестьянкой и встретила бы на поле, такого же здорового пахаря без лишних притязаний к судьбе. Колотил бы он её раз в месяц, и была бы она по-женски счастлива. Ведь она и сама не знает, что ей делать-то с этой свободой, данной ей коммунистами, которые уравнивали мужчину и женщину в правах. Вот и мучается эта огородница на платном обучении, потому как родители всю жизнь мечтали иметь в роду, хоть кого-то с высшим образованием, носит преподавателям взятки, потому как сама учиться, не способна... От этой свободы и равноправия она только страдает.

Юля оказалась правильной «бабой», она искренне пыталась, смеялась над моим чёрным юмором, не знаю вот только от души или как обычно, с целью затащить очередного собеседника в койку, если очень сильно повезет, конечно.

Прощались мы недолго, после нескольких попыток заговорить с ней на философские темы, я встречал в её глазах только жажду, словно голодная кошка, она смотрела на меня, в надежде, что и ей сегодня будет милость. И я сказал ей:

– Езжай домой Юля, мне пора.

Вскоре появилась маршрутка, и она исчезла в ней так же стремительно, как и появилась.

Домой я шёл пешком, хоть и было идти несколько остановок. В городе было лето, и с наступлением ночи, мой район отходил от дневной жары. Проходя по мосту, который тянулся над железной дорогой, я посмотрел вниз. По путям тяжело шёл товарный поезд. В народе говорят:

«Если пройти под железнодорожным мостом в момент проезда по нему состава, то будет удача, интересно мне, что-нибудь перепадёт или нет?»

Вдоль домов тянулся проспект, названный в народе как «аллея алкашей». Очень содержательное название, почти с каждой лавочки слышались звоны стеклянных бутылок или уханье пластиковых баклажек, – рабочий район отдыхал от трудовых будней. Проспект был довольно длинным и доходил до самого Волго-Донского канала, вернее заканчивался пустырьём, после которого тянулось – это восьмое чудо света. Если верить тому, что написано в Википедии. Но это гигантское по своей протяжённости сооружение, ничего, кроме образовавшихся пробок из-за узкого моста через него и своей унылости от разросшихся на его поверхности зелёных водорослей, моему району не приносило.

Аллея в нескольких местах разделялась перекрёстками. Там собирались лица спортивной внешности на своих заниженных автомобилях. Громкая музыка, которая настораживала прохожих, была лишь детской шалостью по сравнению с тем, что могло случиться, к примеру, с полупьяным прохожим, решившим косо посмотреть в их сторону.

Придя домой, я сразу же стал собирать дорожную сумку. Консервы, туалетная бумага, ещё какие-то вещи упрямо не хотели помещаться в неё, так как камуфляж и «берцы», которые остались у меня ещё с армии, заняли почти всё пространство. Получив координаты от связного, которого я нашёл через интернет, я прикинул: «Как же всё просто, ты пишешь, тебе отвечают, и после нескольких вопросов ты едешь на войну».

* * *

На следующий день время тянулось медленно. В наш цех поступила партия с чертежами очень сложных деталей, которые в короткие сроки нужно было сделать. Я с рвением принялся выполнять свою работу, хотя в голове крутилась мысль: «Бросай всё, мало ли, что тебя там ждёт?»

Когда теперь отдохнёшь, иди, выпей чай или поболтай со слесарями, они – весёлые ребята, у них постоянно есть слухи и байки о нашем заводе».

И всё же шесть лет на производстве и моя ответственность не давали мне бросить всё и слоняться по цеху. А тут ещё и заместитель начальника цеха придумал способ, как сделать мою работу на станке быстрее. Как ему тогда казалось, чуть ли не в пять раз. После моих объяснений: «Чудес не бывает, и делать так я не смогу!», – он пригрозил мне бланком объяснительной. Посмотрев на него, я понял, что если человек – идиот, то ни белая каска, ни диплом о высшем образовании не могут избавить его от этого недуга. Вот, например, если у человека пьяным потерял ноги, мы же не ругаем его за это, жизнь и так наказала его сполна, а если у человека нет мозгов, то ругать его тоже будет неправильно, ведь его наказала природа. И я, согласившись, выполнял работу, так как хотел этот инвалид умственного труда. «Ну, ничего, мне остался один день, а потом ты будешь сам расхлёбывать кашу, которую ты же и заварил». Он, скорее всего, что-то заподозрил, так как по его ехидной физиономии было видно, что он не ожидал услышать моего быстрого согласия с его гениальным методом, поскольку обычно наша полемика затягивалась надолго.

Вечером, вернувшись домой, я снял деньги с банкомата. Забрав из дома сумку, я отправился за sim– картой.

– Девушка, мне, пожалуйста, подберите тариф, чтобы совершать звонки из Украины в Россию.

– Извините молодой человек, но в связи с событиями на Украине компания «Мегафон» временно приостанавливает обслуживание данной территории. Ближайший субъект – республика Крым.

Раздосадованный, я вышел из офиса продаж, пришлось купить sim-карту для звонков по России. «Ну и к чёрту, может особо, и звонить-то не придётся».

Таксист, проклиная дороги, медленно следовал в потоке машин, ведь была пятница, все дороги перегружены. Ну, оно и понятно: конец недели, большая часть автолюбителей спешит быстрее попасть домой, чтобы поставить машину и залить пивом или чем покрепче.

Пошёл дождь, существует примета: «если в дороге застал дождь, то всё будет хорошо», – ну дай-то Бог.

На вокзале уже ждала Аня, – девушка, с которой у нас были дружеские отношения. Нервно смеясь, она протянула мне свёрток, в котором лежала очищенная колбаса, икона и крестик на верёвочке.

– Ну что ты сюда напихала, прям как, в гроб меня положить собралась, не люблю я этих всяких поповских штучек.

– Но это же икона для тех, кто в дороге, еле сдерживая слёзы сквозь смех, – сказала она.

Ну ладно возьму, не просто так же ты деньги потратила.

Мимо ожидавшего автобуса пронеслась приора с очень заниженными амортизаторами и громкой музыкой. Автобус подавал звуковой сигнал, оповещая пассажиров о посадке. Мы обнялись, и я пошёл, она уже не могла сдерживать свои слёзы, но я уже не хотел их видеть, как, впрочем, и этот город...

* * *

Дорога из Волгограда до Ростова длится примерно десять-одиннадцать часов, поэтому я купил билет на вечерний рейс. В ночь ехать лучше, тогда время в дороге пролетает незаметно. Около сорока минут, мы стояли на железнодорожном переезде, было мучительно терять время из-за нерасторопности железнодорожников.

– Опять что-то напутали, не иначе, – повернулся ко мне мой сосед.

– Почему вы так решили?

– Да потому что брат у меня на железной дороге работает. В детстве менингитом болел, а при такой болезни сам понимаешь, либо умирают, либо дураками становятся.

– Но ведь железная дорога – это очень ответственное дело, столько грузов перемещается по железнодорожным артериям, а пассажиров! Как же он там может работать?

– А вот так! Был у них случай: даёт им мастер задание, поменять небольшой отрезок рельсового пути. А бригада, в которой мой брат работает, неформально, поделена на три части: блатные – те, кто почти не работает и держится на работе из-за связей, красные – те, кто докладывает начальству, и мужики на которых и держится вся работа. Считаю треть бригады бездельников. Ну, мужики не спеша ковыряются, красные и блатные в сторонке сидят и в карты играют, а время то идёт. Через пару часов прибегает мастер, и, увидав, что рельсы сняты, а на их место новые не поставлены, белеет. «Что же вы мудаки сидите, – кричит он на всех, электричка уже в пути через тридцать минут она должна здесь пройти по новым рельсам...» В тот день работали все даже мастер, чудом успели, только гайки наживили, как электропоезд по рельсам прошёл. Вот поэтому я автобусами предпочитаю путешествовать.

У нас в городе бытовало мнение: «если нигде не берут на работу, есть один выход – идти на железную дорогу, там всех берут». После рассказа моего соседа, я стал по иному относиться к этой народной мудрости. Да, на железной дороге очень тяжёлые условия труда, и одной романтикой туда грамотных людей не заманишь, а достойные деньги, как известно у нас пла-

тить рабочим не принято. Вот и выходит, что страдают от этого обыкновенные люди. Переведёт пьяный дядя Вася стрелку не туда, и будет беда. И всё же, как не старался мой родной город замедлить мой отъезд, шлагбаум поднялся вверх, и под радостный вздох моего соседа мы вновь скользили по ночному шоссе.

Ростов-на-Дону встретил меня ранним утром, сонными носильщиками и хмурыми лицами встречающих, которых заставили в такую рань ждать на вокзале. Зайдя в привокзальное кафе, чтобы перекусить, я обратился к его хозяину словами:

– Что у вас есть свежего?

– У нас висё свежее – очень возмущившись, ответил

тот.

– Он видно из-за моего сарказма, стал очень плохо понимать по-русски, а говорить ещё хуже.

Рассматривая пюре на наличие в нём несъедобных ингредиентов и перейдя к осмотру котлеты, я очень сильно пожалел о своём поспешном решении, позавтракать в привокзальном кафе. «Вот поедешь ты в больницу с кишечной палочкой, а не в Новороссию, – вертелось у меня в голове, – вот смеху-то будет».

Узнав у дворника, как пройти к ближайшему парку, так как встречаться с вокзальной полицией мне не хотелось, я отправился в путь. По дороге я позвонил на номер, который был прислан на мой телефон связным. После продолжительных гудков мне ответил мужчина, который продиктовал мне адрес кафе, которое мне будет нужно найти, и, не заходя в него, позвонить ему ещё раз, после чего ко мне выйдут. «Почему возле кафе? А, не возле дома, у них, что там штаб в кафе? Отвезут меня на кирпичный завод, куда-нибудь на Кавказ, и буду я там рабом лет на пять, пока руки не отвалятся. Какая же всё-таки это авантюра».

На поиск места ушёл битый час. «Они хоть бы стрелочки на дороге нарисовали, – думал я, слоняясь по огромному пустырю. Спустившись к берегу Дона, я посмотрел на огромный мост, возле которого виднелось маленькое строение, а напротив метрах в тридцати находился небольшой дом с железным забором, окружавшим его по периметру. Приблизившись, к строению я прочитал вывеску: Кафе Райский уголок. Ну, они и место выбрали: вокруг пустырь, место глухое, ни остановок, ни указателей. Как будто тот, кто строил это заведение, специально выбрал такое место подальше от глаз простых обывателей. И всё же, Ростов-на-Дону криминальный город.

Подойдя к кафе, я сделал звонок и сказал, что жду возле входа, как и договаривались, а также описал себя. Через минуту калитка у железного забора отварила, и из неё вышел молодой высокий парень. За ним сразу же закрылась дверь, а он направился ко мне. «Ну, хоть не из кафе вышел», – отлегло немного у меня на сердце.

– Ты доброволец? – спросил он.

– Да, есть желание помочь.

– Пошли за мной.

Когда мы подошли к забору, он передал по рации, чтобы ему открыли ворота.

Железные двери скрипнули и отворились, в моей голове вертелись мысли: «А вдруг обман, ещё есть шанс уйти...» Оглянувшись назад, я переступил через дверной проём.

Пройдя за ворота, я наткнулся на толпу парней, которые занимали почти всё пространство небольшого двора, меня постигло ощущение, будто бы я попал в первый класс. Некоторые были с большого похмелья, некоторые шутили и вели себя непринуждённо. Во многих читалось обыкновенное ребячество, с каким мальчишки дёргают девочек за косички в младших классах.

– Постой пока здесь, – сказал мне приведший меня парень и удалился в одноэтажный дом, в котором вероятней всего располагался штаб, потому, как над зданием развивался флаг Донского казачества.

Оставшись у ворот, я почувствовал себя изгоем, почти все из них окинув меня беглым взглядом, вновь возобновили свои дела. Лишь некоторые одиночки, стоявшие в углу, косились на меня, словно следя за каждым моим движением.

Почувствовав своё нелепое положение, я прошёл вглубь толпы. «Ну, хоть бы кто-нибудь подошёл и поинтересовался, из какого я города или спросил закурить!» Но нет, меня продолжали не замечать, как будто бы меня и не было вовсе.

И вот, наконец, ко мне подошёл мужчина в камуфляжной рубашке, пенсионного возраста. В голове промелькнула мысль: «Неужели в России закончились добровольцы, если они стали набирать этот антиквариат».

– Пойдём за мной, – буркнул он.

Мы поднялись на крыльцо и зашли в большую комнату, напоминавшую склад. Повсюду валялись полипропиленовые мешки, коробки с консервами, солдатские вещмешки, матрацы и прочие вещи. Недалеко от окна стоял стол, за которым сидел мужчина лет сорока пяти. Под носом, напоминавшим большую картофелину, располагались пышные усы. Одет он был в десантную тельняшку и казачьи шальвары с красными лампасами. «И когда это казаки стали прыгать с парашютом?»

– Проходи, садись, – добродушно сказал он. – Фамилия, имя, отчество.

– Я представился.

– Какая гражданская специальность?

– Токарь-расточник 5 разряда.

– О, токаря нам нужны.

– Нет, отец, токарем, я и за забором мог неплохо жить, я приехал помочь в военном деле.

– Ну, ты так не горячись, вот помню в Таджикистане, ребята днём «БТРы» модернизировали, а ночью на них в разведку ходили.

– Нет, больше за станок я не встану...

– Ну, смотри сам, кстати, если есть продукты: колбаса, мясо, яйца, в общем, всё скоропортящееся лучше отнеси на кухню, увидишь на выходе, а консервы можешь положить в ящик возле входа. Вам всё равно сухой паёк выдадут при переходе через границу. А теперь скажи номер телефона, по которому мы сможем сообщить в случае твоей смерти.

– И вот тут, я замешкался: «Чей же номер дать? Матери? Нет уж, она-то точно не поймёт, когда ей скажут: «Ваш сын погиб», – с первого раза не запомнит адрес, откуда нужно будет забрать тело, будет перезванивать, и отвлекать людей от важных дел.

Я дал номер лучшего друга, с которым по отъезду так и не смог попрощаться. «Ну, извини, брат, если сделаю тебя вестником скорби».

– А теперь иди и найди командира своего отделения, эту информацию узнаешь у Иваныча, он тебя сюда привёл. Я положил в ящик у входа несколько банок тушёнки и вышел во двор, после чего направился на кухню. Кухня представляла собой пространство, огороженное четырьмя столбами с натянутой на них сеткой рабицей. Несколько столов выстроенных в два ряда, и аккуратно выложенные на них тарелки напоминали атмосферу свадебного торжества. Вот только девушка, которая сидела за отдельным столом, была похожа больше на вдову, чем на невесту.

– А куда можно положить колбасу? – спросил я у неё.

Не успела она взглянуть на того, кто вырвал её из своих размышлений, как тут же ко мне подошла женщина лет пятидесяти и сказала:

– Давай сюда парень, у нас как раз завтрак, на всех и поделим.

Я отправился искать Иваныча, поиски не заняли много времени, он стоял и отчитывал молодого парня за то, что тот без разрешения ушёл в город.

– Ты понимаешь, что вы здесь нелегально?

Да, Иваныч, но ты сам пойми, я уже здесь третий день, не могу больше, я, что сюда приехал в зарницу играть?

– Сынок, ты не понимаешь, куда ты едешь, там тебе не школа, там двоек не ставят. Шлёпнут тебя, если будешь таким нетерпеливым, а если будешь приказы нарушать, могут шлёпнуть не только тебя, но и твоих товарищей, понятно?

– Понятно, Иваныч.

– Раз понятно, тогда с тебя после обеда окоп для одного бойца по пояс, всё ясно?

– Ясно.

«Где-то, я уже это слышал: в армии или в каком-то фильме. Вот старый пердун, что-то не похож он на кадрового офицера, максимум на прапорщика.»

И тут женщина, которой я отдал колбасу, закричала как на пожаре: «Завтрак! Ребята на за-аа-автрак!»

Вероятно парни, которые приехали сюда недавно, выстроились в очередь первыми, а те, кто находился в лагере несколько дней, пытаясь всем остальным показать свою исключительность, стояли в стороне и демонстративно закуривали сигареты.

После завтрака, все также культурно помыв за собой посуду, разбрелись по углам. «Нужно же доложить о себе», – подумал я и отправился искать Иваныча.

Иваныч, озадаченный какими-то расчётами, мельком взглянув на меня, сказал, чтобы я сам искал себе команду и командира тоже. «Вот это поворот, какая неорганизованность, и где же я буду их искать?» Долго искать мне не пришлось, в пяти метрах от столовой стоял паренёк в серых штанах и камуфляжной футболке с тетрадкой в руках, в которую он записывал данные высокого мужика, прибывшего после меня.

Дождавшись, когда он освободится, я, подойдя к нему, чётко изложил свою просьбу: «Мне нужно найти командира и записаться в команду». Посмотрев на меня искоса, и недоверчиво качая головой, он с улыбкой произнёс:

– Есть вакантное место командира отделения, не желаешь ли занять эту должность?

«Ну и козёл же он! Интересно, он всем так говорит, или я один удостоился такой чести?»

Скрестив руки на своей груди, я ответил:

– Командиром это конечно хорошо, другой вопрос: кем командовать прикажешь? Мне только самых опытных парней.

На мой ответ вся его команда рассмеялась. Он смутился и проговорил:

– Автомат-то хоть держать умеешь?

– В армии научили.

– А людей убивать тебя не научили? По людям стрелять сможешь?

– По людям не смогу, а вот по врагам постараюсь.

– Ладно, опыт боевых действий был?

– Нет, но с оружием обращаться умею.

– Сколько полных лет?

– Двадцать восемь.

– В каких войсках служил?

– Мотострелковые.

– Хорошо, ты записан в первое отделение, там все ребята служившие. Есть даже те, кто в Чечне был, вон они на бревне сидят, теперь придумай себе позывной, своё имя и фамилию ты можешь ни кому не говорить, имеешь право. Ну? Какой твой позывной?

В голове вертелись десятки прозвищ, ну и ну, как же так сразу можно придумать...

– Шершень! – ответил я.

– Почему шершень?

– Жалит больно...

– Ну, шершень, так шершень. У меня больше к тебе вопросов нет, теперь иди, знакомься со своим командиром отделения.

– А когда отправка? – спросил я.

У присутствующих возле нас ребят лица стали каменные, как будто я им всем на ноги наступил.

– Не знаю, мы тут уже второй день сидим, но скорее всего, что в первую очередь поедут те, кто раньше приехал.

«Ну, вот что за порядки – подумал я, – опять дедовщина какая-то получается».

На огромном бревне возле главных ворот сидели парни постарше, один из них стоял и травил анекдоты. Зайдя в самый центр, я пожал всем руки и, улыбаясь, сказал, что теперь буду в их отделении. После чего паренёк маленького роста с позывным Док, молчаливо достал блокнот, и спросив мой позывной, записал меня в списки. Док задал мне один единственный вопрос:

– Опыт боевых действий был?

– Нет.

– Присаживайся.

«И всё?» – пролетела мысль. После общения с первым командиром как-то даже и неинтересно.

«И почему, у нашего командира отделения позывной Док?» – скучая, размышлял я. На доктора он явно не смахивал, его загорелое тело свидетельствовало о том, что парень явно уважает физический труд, об этом также говорили и сбитые ногти на пальцах. Скорее всего, он был родом из деревни, его выдавал акцент он «гэкал», может, медбратом в армии был вот и привязалось.

После очередного анекдота все пошли курить, рядом со мной остался сидеть парень в очках – тучный и неповоротливый. Посмотрев на его профиль, я удивился, сидя на бревне, словно на троне, он был очень горд собой, это настолько бросалось в глаза, что мне сразу захотелось узнать причину этой гордости.

– Ты откуда? – спросил я.

– Из Москвы, а ты?

– Волгоград.

– А ты служил?

– Нет.

– Не возьмут тебя, туда берут только тех, кто в армии служил, – ехидно рассмеявшись, пытаясь сбить с его лица уверенность, ответил я.

– А вот и возьмут, я – компьютерщик, по телевизору сказали, что там программисты нужны, война теперь другая: беспилотные аппараты и компьютерные технологии.

Он так уверенно это говорил, что я представил его рыхлое лицо с маленькими довольными глазками, которыми он смотрел на меня из-за окна удаляющегося от меня автобуса. Его пухлые ручонки машут мне, машут, а я всё сижу на бревне и жду отправки. Вот же москвичи и тут влезли. Но вот парни, возвратившись из курилки, снова стали травить анекдоты, больше я с толстяком старался не общаться.

Добровольцы, так называют тех, кто отправляется по доброй воле. Тем парням, которые находясь со мной в сборном пункте, которые отправились на помощь шести миллионам русским, зажатыми клещами украинских карателей, это слово подходило на сто процентов. Скорее всего, каждый понимал, зачем он здесь. Вот только не каждый тогда осознавал, насколько трагично для каждого из них, могут обернуться последствия такого решения. Большинство из них, ехали помогать абсолютно безвозмездно, даже не допуская и мысли, чтобы взять деньги с тех, кто находился в такой беде. Да многие уедут через неделю, не выдержав обстрелов, кого-то выгонят за пьянство, но мне навсегда запомнятся мальчишеские лица тех ребят. Стрелков

бросил, кличь! И вот опять по всем уголкам многострадальной нашей Родины, снова, чтобы выполнить свой долг, стали собираться Васи, Пети, Вани, чтобы помочь, помочь от чистого сердца, потому что: «Русские своих не бросают».

Рядом со мной присел парень, на вид ему было лет тридцать, я протянул руку.

– Шершень.

– Паша, – ответил он.

– А позывной?

– Не знаю, пока не придумал, – с улыбкой сказал он.

«Вот же досада, так можно было подумать! Наверное его Док записывал, оно и понятно, из того слово клещами не вытянешь!»

Мы разговорились с ним, Павел родился в Сибири, но уже как пять лет работал в Краснодарском крае, откуда и приехал. Имел боевой опыт, проходил контрактную службу в Чечне в разведывательной роте.

– А ты где служил? – спросил он.

– У меня намного всё печальней, в роте охраны я служил. Автомат я знаю, как свои пять пальцев, но за всю службу выпустил из него пару магазинов и то в начале службы, на стрельбище. Так что, Паша, сам понимаешь, боец из меня никакой!

– Ну, ничего, – улыбнулся он. – Придёт время, и тебя заберут.

– Ага, куда? Опять, что-нибудь охранять? Паша, у нас ещё есть время, назови мне какие-нибудь термины из разведывательного дела.

На его лице появилось смущение, и он вопросительно посмотрел на меня.

– Ну, всё очень просто, – опередив его вопрос, выпалил я.

– Ты говоришь мне действующую часть, что-нибудь из жизни разведчика, примочки ваши, я это всё запоминаю и рассказываю всем, что я разведчик. А ксерокопию своего военного билета я выкину, всего и делов!

Но Паша подошёл к моей легенде ещё более ответственно, чем я.

– Нет, нет, без военного билета не поверят, ты лучше скажи, что у вас в части был разведывательный взвод, и тренировались вы отдельно от всех. Кто-то на вышках стоял, а кто-то по полям бегал, так лучше будет.

– Паша, а ты легенды куда лучше моего сочиняешь!

Подошло время к обеду, теперь я старался держаться возле Паши, вдруг тех, у кого есть боевой опыт, будут забирать отдельно, к тому же с чёрного хода, чтобы других не расстраивать. Мы сели за стол, на обед подали очень горячий суп, в такую жару отведать бы крошки, но, пересилив отсутствие аппетита, я зачерпывал алюминиевой ложкой наваристый бульон: «Мало ли, когда нас ещё покормят».

– Смотри, – сказал он, кивнув в сторону парня, который разносил тарелки остальным.

– Мы с ним вместе в ворота заходили вчера днём, но почему-то он уже здесь освоился.

– И причём не плохо, – добавил я.

– Да, да, поближе к кухне.

– Одним словом, хозяйка.

– Точно, – рассмеялся Паша.

Какой-то парень, сидя напротив нас, явно обременённый одиночеством попытался вступить с нами в разговор.

– А вы с комиссаршей беседовали?

– Было дело, – буркнул Паша.

– Нет, – ответил я, какая ещё комиссарша?

– Ну, разве когда ты к Иванычу подходил в первый раз, он тебе не сказал, что нужно сначала с психологом поговорить, а то могут и не взять.

Обжёгшись горячим супом, я чуть не подавился.

– Как не взять! А что же вы раньше молчали?

Увидав мою обеспокоенность, Паша тихо проговорил:

– Да ничего особенного, задаст тебе пару вопросов и всё, после обеда зайди, пообщайся, кстати, она нечего так.

После обеда я отправился к Доку, узнать у него, что и как отвечать психологу. Док сидел на том же бревне и смотрел вдаль. «Наверно думает как в деревне без него, сейчас покос идёт, или доярки на обеде скучают, потому как он здесь».

– Док! – быстрым окриком выдернул я его из царства полей и коровников. – Док, а что комиссарша спрашивает?

– Да ничего особенного, есть ли мама, папа, не жалко ли тебе их будет, когда ты в гробу придёшь, – всё также задумчиво и не спеша ответил он.

– Серьёзно? Видать девочка не из простых.

– Ну да, говорят она из Лисичанска, приехала помогать. Психологом числится, отсеивает тех, кто не поедет.

– И что? Кого-то уже отсеяла?

– Пока нет.

«Нет, от Дока ничего внятного не добьёшься нужно идти к ней самому».

Штатного психолога казачьего пункта по приёму добровольцев, звали Катя, ну или так, как она мне представилась.

– Сколько тебе полных лет? – задала она свой первый вопрос.

– Двадцать восемь.

– Образование?

– Высшее.

– Опыт боевых действий есть?

– Нет, но очень хочу, – улыбнулся я. – Катя, а вы откуда?

– Курск, а что?

– А в Луганске были?

– Нет.

– А в клубе?

– В каком? – оторвав голову от блокнота, она удивлённо посмотрела на меня.

Через мгновение лицо Кати смутилось, до неё дошло про какой клуб я спрашиваю.

– Слушай парень, может это ты, наш пункт с клубом спутал? Ты вообще сюда, зачем приехал?

– С фашизмом бороться, – ещё серьёзней, чем она задавала свой вопрос, ответил я. – Катя не обижайся, я здесь с восьми утра, вокруг тоска, а ты вижу девушка интересная, образованная, почему бы с тобой не поговорить.

Но Катя больше не смотрела на меня, она что-то писала в блокноте и после пары строчек проговорила.

– У меня вопросов больше нет.

«Ну, нет, так нет. Тоже мне строит из себя психолога, видать в Курске клубы надоели, вот и приехала сюда сменить картинку. Откуда только такие слухи: «Катя из Лисичанска, девушка, в глазах которой читается война, ну и придумают же...»

После обеда наступило мёртвое время, все разбрелись по углам, я же отправился к командиру, который утром записывал меня в общий список.

Его позывной был Бродяга. После пятиминутного общения с ним мне стало ясно, что никакой он не командир, а такой же, как и мы ничего незнающий юноша, просто повесил на себя воображаемые погоны, ну, может это и правильно, кому-то же нужно записывать новичков в блокнот.

Бродяга ничего вразумительного по поводу того, кого заберут первым и куда отправят, не знал. Он только постоянно ссылался на своё отделение и говорил, что у него почти все парни по три дня тут сидят. Оглядев всех, я заметил на некоторых тоскливых лицах тревогу, видно от долгого ожидания их стали посещать дурные мысли.

Нет нечего хуже ожидания, когда человек ждёт чего-то неизвестного, его душу начинают терзать сомнения, а ведь сомнения – это спутники малодушия. Бродяга чувствовал это, и как командир опасался, что кто-нибудь из его ребят не выдержит, пойдёт в город и напьётся, натворив что-нибудь при этом. В основном – это были парни двадцати-двадцати пяти лет, с юношеским задором они часто подшучивали друг над другом. Пятеро из десяти были из одного города, – Мурманска, по их словам в дорогу их собирал чуть ли не весь район, в котором они жили. У двоих из них даже были каски и бронежилеты пятого класса защиты. Как они говорили, – это был подарок от силовых структур. Может они, конечно, и шутили, но мне опять стало стыдно за свой город миллионник, ведь в этой партии из Волгограда я был единственным. Один из них носил чёрный берет, с двумя кокардами. Берет, был набит и отглажен, как будто парень собрался на парад, а не на войну.

– А вы видели москвича, – спросил я у них.

– Какого москвича? – отозвался, парень в чёрном берете.

– Толстого, в очках, он ещё на бревне возле входа сидит.

– Нет, а что?

– Я с ним пообщался, так вот он компьютерщик, не служил и приехал воевать, и куда только его родители смотрят.

– Не скажи, в один голос возразили они, нам Иваныч недавно рассказал про Крота, очень поучительно.

– Про какого Крота?

– Из России доброволец, очкарик, ростом с мизинец, над ним все его земляки глумились, а Крот оказался хорошим парнем...

Глава 2. Снайпер.

Николай Николаевич работал электриком на заводе. С самого начала жизнь его не заладилась. В детстве он рос хилым и слабым мальчиком, ему было очень трудно постоять за себя, поэтому постоянно приходилось терпеть насмешки одноклассников. Коля с юных лет мечтал стать военным и, когда ребята во дворе играли в военные игры, он обвешивался самодельным оружием, старательно сделанным из деревяшек.

– Зачем тебе столько? – спрашивали у него ребята. – Оно же не стреляет! – взрываясь громким смехом, укоряли они Колю.

Но для Николая эти игры были больше, чем просто детские забавы. В этих играх он жил, уходя от реальности. Там он умирал и вновь возрождался. Деревянная доска, с прибитым к ней дверным шпингалетом, очень напоминала ему винтовку Мосина, которая заменяла ему всех друзей.

В армию Николая не взяли, плохое зрение и плоскостопие помешали этому и, забросив свою мечту о военной карьере подальше – в самые потаённые уголки своего сознания, Коля пошёл работать на завод.

К тридцати годам «Коль Колич» (так его прозвали в коллективе) славился хорошим электриком. Он был исполнительный, но безынициативный, про таких людей говорят: «ни рыба, ни мясо». Отношения с окружающими тоже не складывались. Из-за плохого зрения Коле приходилось носить очки с толстыми линзами. От этого он выглядел нелепо и смешно, поэтому, когда кто-то из рабочих рассказывал о бурно проведённой ночи, Коля, закуривая сигарету, думал: «Эх, в каком же я был бы сейчас звании? Обойдись со мной судьба более снисходительно».

События на Украине поставили Николая в недоумение. С одной стороны он поддерживал то, что люди вышли на улицу, а также их лозунги, которые гласили: «долой олигархов, долой Януковича, долой коррупцию!»

Единственное чего Николай не понимал, так это почему новоиспечённые революционеры запрещали украинцам дружить с русскими.

Когда мирные демонстранты стали закидывать коктейлями Молотова «беркутовцев», Николай понял – это не просто студенты, которые вышли протестовать, – это иностранные наёмники, которым так легко было кидать бутылки с зажигательной смесью из-за плеч одурманенной молодёжи на головы безоружных бойцов милиции.

Когда на Донбассе стали формироваться первые отряды ополчения, – Николай собрал вещи и поехал в край рукотворных гор.

Ещё на призывном пункте Коля познакомился с ребятами из своего города.

– Коль, а Коль, ну признайся честно, ты инопланетянин? – шутили над ним парни.

Хоть Николай и был старше них, но в серьёз его они не воспринимали. Коле дали прозвище Крот. Под таким позывным его и записали в отряде.

Николаю выдали самозарядный карабин Симонова и в прямые столкновения с противником его старались не брать.

– Ну, куда тебе, Николай, на передовую? – шутил над ним взводный. – Ты же только своими очками нас на подходе к «украинцам» обозначишь.

Николай всё понимал. Он был рад и этому, ведь теперь у него за плечом был «СКС¹», так похожий на ту деревяшку со шпингалетом, которая была у него в детстве.

Отряд, в котором был Николай, занимался разведкой на местности, а также мелкими диверсиями, нанося небольшой урон врагу. Его наспех сформировали из местных рабочих и работников колхоза, а также, процентов на двадцать, отряд состоял из добровольцев.

В то июньское утро небо было чистым. Чистым оно было и потому, что украинская авиация уже не так часто как в мае выходила на боевые вылеты. Вертолёты ополченцы уже почти все сожгли, а штурмовики не подходили к границе с Россией, опасаясь быть сбитыми российскими «МиГами». По оперативной задаче отряду приказывалось выдвинуться на местность и проверить наличие скопления сил противника. Была информация, что с данного плацдарма «укры» должны были начать наступление и прорвать тончайшую линию обороны ополчения. Командир поднял по тревоге группу, все погрузились на два «БТР» и, сидя на броне, ожидали команды на выход. Все, кроме Николая, который молча курил в стороне. Вышедший из дома командир группы направился к нему.

– Ну что, Николай, – хлопнув его по плечу бодро сказал он, – поехали? И для тебя работёнка нашлась.

– Куда? – удивлённым голосом прохрипел он.

– Пустяки, здесь недалеко. Снаряд в подстанцию попал, посёлок без света остался, нужно будет тебе глянуть, может починить сможешь. А мы тебя на обратном пути подберём.

Николай, не докурив сигарету, бросился к броне.

– «СКС» кому оставил, Коля! – улыбаясь, протянул ему оружие командир.

Дорога шла между терриконов. Коля с жадностью всматривался в пейзажи такой незнакомой ему местности. Вот, вдалеке, показался посёлок. Николай сидел почти возле двигателя и командир, склонившись к самому его уху, прокричал:

– До поворота доедем, спрыгнешь, а там дальше – сам, пешком, понял?

Николай кивнул в ответ.

Первый «БТР» ехал метров в двадцати впереди и поэтому Коля не мог видеть, как из села стали работать «восьмидесятки²».

Николай вынырнул из своих мечтаний, когда командир, сбившимся от хрипа голосом кричал водителю.

– Серёжа! В посёлке «укры», это засада, сворачивай за террикон!

Второй «БТР» слетел с дороги и нырнул в кювет, за которым в трёхстах метрах был спасительный террикон.

Первый «БТР» уже дымился, из него выпрыгнули два бойца и, пригнувшись, бежали к террикону.

По второму «БТРу» был открыт огонь, и он на ходу стал терять скорость. «Механик-водитель убит», – подумал командир, и подал последнюю команду.

– Покинуть машину!

Все бойцы, которые сидели на броне, кинулись на землю, один из бойцов остановился, что бы понять, откуда ведётся огонь, но безуспешно, солнце в этот день было не на стороне ополченцев.

Николай старался бежать рядом с командиром. Колины очки мгновенно слетели при десантировании с «БТРа», поэтому он не сразу понял, почему он плохо его видит, а только хорошо слышит его команды, вперемишку с бранью.

Послышались глухие залпы, – это начали работать «стодвацатки³». «Если заработали тяжёлые, значит там регулярные войска, – прикинул командир. – Эти вдогонку не пойдут, побоятся силовики на открытое поле лезть, значит, есть шанс уйти...»

На войне существует статистика – какое количество снарядов нужно использовать, чтобы поразить цель. В этот день статистика будто смеялась над всеми. Так слаженно украинские силовики ещё не работали, первыми же залпами накрыли группу разведки.

Николай от удара опрокинулся на землю, осколком ему отсекло часть уха, и всё лицо залило кровью. Очнувшись, он прислушался. Вокруг было тихо, только шумело в ушах, и от этого раскалывалась голова. Открыв глаза, он мигом закрыл их, стекающая со лба кровь попала на веки. Он до последнего не стирал заливавшую его глаза кровь, опасаясь пошевелиться. Ему не хотелось больше воевать, ему хотелось домой, на свой завод, в курилку, просто хотелось посидеть там.

Стерев рукавом кровь с лица, Николай начал прислушиваться. В пяти метрах от него кто-то стонал, затем стоны сменились бессмысленным бормотанием. По голосу он понял, – это лежал его командир.

Оставшиеся в живых бойцы стали отползать назад, – двое из остатков группы, кинулись бежать, – они, словно зайцы, пригнувшись, петляли в траве. Послышались выстрелы из крупнокалиберного пулемёта, – длинные очереди – видно работал не профессионал и парням повезло, они успели скрыться.

Николай лежал в высокой траве и слушал, как ползают по лепесткам полевых цветов букашки, вот застрекотал кузнечик. «Как же бездарно! Так глупо умереть, а ведь я даже не стрелял из карабина. И зачем взял с собой? Лучше бы там кому-нибудь достался...» – размышлял он.

Предположения командира оказались верны, догонять их не стали. Силовики ещё несколько раз прочёсывали поле из стрелкового вооружения, пытаясь добить всех, кто мог остаться в живых. Соваться на нейтральную территорию они опасались, так как посёлок заняли только прошлой ночью. Тем, кто смог добежать до террикона, дали уйти. На этом «укры» успокоились.

Николай проснулся. По степи уже начинал гулять прохладный ветерок, в некоторых домах уже горели огни. Часовые на позициях силовиков стали готовиться к ночной страже. Где-то в глубине посёлка играла музыка, как будто и не было ничего, не было одиноко стоящих и дымившихся «БТРов», не было трупов, не было Николая.

Николай лежал на боку и смотрел на командира, вернее на его очертание. Его голубые глаза тоже смотрели на него, но теперь по-особенному. В них больше не было заботы старшего брата, в них теперь отражалось только тёмно-синее вечернее небо. Они были холодными и

настолько чужими, что Николаю казалось, что он, не смотря на свою близорукость, видит их без малейшего искажения.

Подобравшись к командиру, он закрыл ему веки и, перекрестившись, пополз прочь к террикону. Почти добравшись до террикона, он прекратил ползти, чтобы перевести дух и мысленно попрощаться с теми, кого ещё несколько часов назад он считал своими друзьями. Он мысленно прощался с каждым бойцом, вспоминая его характер и отношение к Николаю. Последним был командир: «Прощай, ты так и не успел прочитать те книги, которые я тебе рекомендовал. Нелегко теперь придётся твоим родным...» Он вспомнил про дочку командира, которая угощала его свежесваренным компотом, когда Николай оставался один во дворе и ждал возвращения группы. Страшнее глаз погибшего командира для него, было увидеть глаза его дочери, после вести о том, что её отец убит. Он представил, как открывает калитку и входит в знакомый двор. А на крыльце, как раньше, их группу уже встречает жена командира с накрытым столом. А он будет стоять и молчать, не в силах объяснить ей, почему он остался живой, а её муж лежит, там.

«Нет! – подумал он. – Я не буду вестником печали! Пусть другие скажут, пусть другие молчаливо опускают глаза, стоя на пороге».

Пожалуй, отомстить тем, кто был в поселке, теперь представлялось самым лучшим завершением жизни для Николая.

Пробравшись на животе несколько метров, Николай обнаружил убитого Васю-снайпера с позывным Стрелок. Тот недавно раздобыл оптику с восьмикратным увеличением, чему был несказанно рад. Целый час Вася пристреливал свою винтовку на поле за огородами, пока не довёл сочетание оптики и механизма до совершенства.

Дрожащими руками Николай попытался вырвать винтовку из цепких объятий Васи, но тщетно. Огромные руки Стрелка мёртвой хваткой вцепились в цевьё. Вася умер от потери крови, осколок с пол ладони торчал из его живота. Отыскав штык-нож, Николай стал разгибать пальцы Стрелку. Обхватив цевьё «СВД», Николай почувствовал волнение, – как будто, он держал в руках ребёнка.

Прислонив щеку к прикладу, он стал всматриваться в окуляр прицела. В нём словно на мониторе компьютерной игры проплывали дома, деревья, заборы. Уже было довольно темно и поэтому силуэты часовых в окопах были почти неразличимы. Впервые в жизни Николай смотрел на этот мир через линзы с удовольствием. Николай задумался: «И почему я на гражданке не изучил снайперское дело? Патроны... Где же патроны? Один магазин. Один... Опять придётся ползти к Стрелку».

Николай решил не стрелять в темноте. Навыка в стрельбе из «СВД» у него не было, а включить подсветку цели он не догадался.

«Но как дождаться утра? А что если «укропы» на следующий день пойдут прочёсывать поле? Нужно не спать ночь». От потери крови Николай чувствовал себя разбитым, его невыносимо клонило в сон. Ближе к полуночи пошёл мелкий дождик. Часовые в окопах укутались в дождевые плащи и походили на серые очертания, нежели на людей.

Борясь со сном, Николай до крови расковырял штык-ножом свою ладонь. Он пытался дремать, но от этого голова начинала болеть ещё больше. Ближе к полуночи Николай уже спал как младенец.

Утро выдалось пасмурным. Очнувшись, Николай чуть было не вскочил от удивления. «Как же я мог уснуть!»

Он чувствовал потребность в пище, но его мутило от одной только мысли о еде. Скорее всего, это были последствия от пережитого. Бережно протерев линзы прицела от капель дождя, Николай прильнул к окуляру. Несколько солдат что-то бережно перетаскивали из землянки к кустам за окопом.

«Да это же миномётный расчёт!» – словно молния пронзила догадка Николая. «И почему я раньше не замечал их?». Он бережно положил указательный палец на спусковой крючок. Сердце Николая стало учащённо биться. «А вдруг за мной уже наблюдает вражеский снайпер и ждёт только моего малейшего движения. Господи, да он же не даст мне и попытки перебраться на другую позицию. Нет, дурные мысли нужно гнать прочь!»

Теперь в голове у него всплывали моменты про снайперов, когда либо, увиденные в жизни. Он вспоминал всё то, что могло бы помочь ему в его нелёгком деле.

Отыскав в стороне маленькую фигурку в плаще, Николай замер. А тот, за которым наблюдал Коля, отрешённо курил, стоя в стороне и наблюдая, как остальные солдаты суетятся, перетаскивая ящики.

«А может это офицер?» – подумал Николай.

Поймав промежуток между ударами сердца, он вспоминал кадр из фильма «Ворошиловский стрелок». Николай потянул спусковой крючок как за лепесток. Мгновенье, и холодок, пролетев по всему телу, будто разорвав влажную рубашку на его спине, с огромным свистом устремился вверх. Выстрела не последовало. Со лба вновь что-то стало капать. «Опять кровь?» Стерев со лба липкую жидкость, он увидел пот.

«Я же не передёрнул затвор», – догадался он.

Рука, словно обвязанная верёвками, потянулась к затворной раме.

Мгновенье между ударами сердца, палец на лепестке... Одиночный выстрел раздался в то июньское пасмурное утро, унося за собой шелест ветра, характерный для выстрела из «СВД». Фигурка в темном плаще резко вздрогнула и обмякла, солдаты перетаскивавшие ящики на мгновенье застыли...

– Снайпер!! – громко крикнул один из них. – Хлопцы, тикаем!

Всей гурьбой они посыпались в ближайший окоп. Из соседнего блиндажа короткими очередями застрочил «ПК⁴».

Николай больше не смотрел в прицел, ему почему-то стало жалко того, кого в то утро ещё ждали дома. Но потом перед глазами стали проплывать отрывки из новостей: горевший дом профсоюзов в Одессе, обстрелянные детские дома... «Если эта армия защищала подонков сделавших это, у меня не должно быть к ним жалости». Размышления Николая прервал взрыв метрах в ста от него. «Ну, всё! – подумал он, – сейчас меня накроют». Но взрывы по диагонали стали ложиться в обратном от него направлении.

Приметив пулемётчика, Николай произвёл выстрел. Теперь были слышны только взрывы мин и одиночные выстрелы Николая очень выделялись.

Переждав обстрел, Николай переполз на новую позицию. Приметив небольшую посадку, он пополз к ней. Силовики ещё минут двадцать обстреливали то место, где стояли подбитые «БТРы». К обеду они успокоились и Коля стал ждать вечера. Когда солнце стало опускаться, ему захотелось есть, да так сильно, что его снова затошнило.

На новой позиции было видно гаубицы, вернее только верхние части, они были прикопаны в траншеи. Вскоре из одной послышался первый выстрел, затем подключилась вторая. Наблюдая за ними через прицел, Коля опомнился:

«А ведь один выстрел – это возможно одна или несколько чьих-то жизней, ни в чём неповинных людей!»

Медленно перемещая винтовку, он стал искать расчёт. Вот мелькнула в прицеле голова, затем ещё раз. Николай произвёл выстрел, затем второй, – гаубица замолчала. Опять в окопах оживились, послышались выстрелы из крупнокалиберного пулемёта, очереди из автоматов.

«Укры» палили от безысходности во все стороны, кто из чего только мог. Каждый понимал, что любая минута его жалкой жизни может быть последней и поэтому хотел выпустить как можно больше патронов.

До следующего дня гаубица молчала. Николай осмелел и теперь кошмарил «укров» до обеда. Внезапно послышался выстрел такой же как у Николая.

«Снайпер! – подумал он, – ну теперь всё! Видно за тобой прислали снайпера, теперь-то уж точно конец».

Николай замер. «Что же делать? – продумывал он в голове свои действия. – Если не менять позицию, то рано или поздно меня точно снимут, но и тупо ползать тоже нельзя. В любом случае «укровский» снайпер меня обнаружит. Нет, лучше не стреляя ждать ночи и искать чем замаскироваться».

Ночью выглянула полная луна, в степи было очень светло и Николаю были хорошо видны очертания трупов. Он пополз к первому из них. Добравшись до мёртвого пулемётчика, Коля перевернув его на живот, затем вложив в его руки свой «СКС», накидал перед ним сорванной травы. Вытащив из кармана моток проволоки, предназначенной для починки подстанции, он привязал её к винтовке. После он отполз на несколько метров.

Утром гаубица молчала. Николай понял, что с ним решили покончить, его уже ждали. Осторожно, почти не двигаясь, он начал натягивать проволоку. Но в траншеях было по-прежнему тихо. Он задумался: «На заводе сегодня будет аванс, вечером мужики соберутся возле пивного ларька и будут отмечать». Колю редко звали на такие мероприятия, но даже в те редкие встречи ему не удавалось выпить больше, чем две-три кружки пива.

К обеду всё тело Николая затекло, хотелось пить. Солнце было за ним, и он взглянул в прицел. В окопе, неподалёку от прикопанной гаубицы, неестественно мелькала каска.

«Ну и клоуны, – подумал он. – Что же я дурак, не пойму, что это приманка».

Николай улыбнулся, ему даже стало жалко того, кто занимался столь опасным и ответственным делом.

«Интересно, сколько по времени он этим занимается? Да ещё при такой жаре».

Николай стал медленно водить прицелом по позициям.

«Ну где же ты спрятался? Если я всё ещё жив, значит у них дилетанты. Что там у них все профессиональные снайперы на Майдане?»

В одном фильме Коля смотрел как обезвреживают снайпера. Те, кто охотятся за снайперами, обычно работают в паре.

«Но, я же ведь не снайпер! А может «укры» тоже смотрели этот фильм и первый снайпер это всего лишь приманка, интересно он знает об этом?»

Дождавшись ночи, Николай стал ползать по позиции. Затёкшие руки и ноги ныли. Ему очень хотелось пить. Всё следующее утро он лежал неподвижно. Как назло ему сильно хотелось по нужде, но двигаться он опасался. Николай отправился под себя.

Часам к десяти заработала вторая гаубица. Не дав ей сделать и трёх выстрелов, Коля снял наводчика. В его сторону вдруг заработала зенитка, стоявшая за гаубицей. Её трассирующие двадцатимиллиметровые заряды так красиво сверкали, что Николай на пару минут увлёкся этим зрелищем. Словно замороженный, он глазел с открытым ртом. Выпустив пару кассет, зенитчики успокоились, больше попыток обезвредить снайпера с их стороны не было.

* * *

Из дверей оперативного штаба выбежал молодой боец. На бедре у него размашисто болтались заряды «ВОГов». Возле входа, в припаркованной машине, его уже ждал усатый дядька с кубанкой на голове.

– Семёныч, трогай, добро дали, сейчас наши из «Д30–ых⁵» начнут работать. По рации передали, что «укры» уже второй день молчат, их позиции уже засекли. Ждём когда артиллерия ближе подъедет, на месте уже наш корректировщик ждёт.

– А шо, у них снаряды кончились?

– Сам в недоумении, они по связи прямым текстом докладывают, что их какой-то снайпер кошмарит. Они предполагают, что он днём в зелёнку уходит, а ночью снова появляется.

– Так наших-то там нема, может это их снайпер по своим бьёт, чтоб они злее были?

– Не похоже, у них «двухсотые», они реальные потери несут. Скажи ребятам, чтоб «тяжёлого» не брали, сейчас главное внезапность.

– Понял, – ответил мужчина в кубанке и, притормозив возле двух этажного здания, побежал к входу.

По лицу Николая что-то ползало. Скованными движениями он пытался растереть свои пальцы, но они не поддавались. Наконец, жуку надоело одолевать Колино лицо и он, выпустив свои крылья, оттолкнувшись, тяжело взлетел, оставляя Колю лежать в покрытой росой траве.

Силовики в это утро молчали. Они даже не делали бесполезных попыток прокашивать густую траву трассерами, пытаясь тем самым поджечь её. Николаю уже не хотелось стрелять, он жадно собирал росу с травы и наслаждался каждой её каплей. Фляжка воды подобранная возле командира кончилась ещё вчера, попытки набрать в неё росы не увенчались успехом.

Второе утро принесло с собой не только невероятную жажду, но и мух, которые роем летали вокруг, учуяв запах трупов. «И здесь от вас покоя нет», – думал он, – хотя может, для маскировки сгодитесь».

Не отгоняя их, он стал вглядываться в прицел. А мухи ползали по его засохшей крови, пытаясь забраться в рану и лишь изредка перелетали от одного уха к другому.

«Почему же они не стреляют, может ещё снайперов вызвали? Интересно, сколько я проживу? Если бы удалось прожить ещё один день, каким бы длинным он тогда был».

Ему так хотелось вспомнить все хорошее, что было в его жизни. Насладится воспоминаниями в последний раз, но если ему оставался всего лишь один день, он не должен был тратить его на прошлое. «Нет, чем больше этих подонков я заберу на тот свет, тем спокойней будет спать тем, кто уже второй день лежит под палящим солнцем».

Дождавшись, когда солнце будет над ним, Коля начал искать себе цель, но «укропы», как сговорившись, не хотели высовываться из наспех оборудованных траншей.

«Быстро же они ночью копают», – подумал он.

Вдруг на позициях «укров» он увидел, как что-то сверкнуло, затем ещё раз. Николай навёл прицел и, поглаживая курок, считал уже спокойные удары своего сердца.

«Что-то не так, почему они так не осторожны, может пьяные? Так это же гражданский человек!» – чуть не воскликнул Коля, увидав серую кепку, которая так хорошо демаскировала, смотревшего в бинокль мужчину. «Вот сволочи, скорее всего, заставили местного меня искать».

Николаю о таких проделках рассказывал командир.

«Укры» набирали корректировщиков за деньги или бесплатно. Если им не хотелось платить корректировщику, они искали семейного человека, и, шантажируя его смертью ребёнка или просто расстрелом на месте, привлекали его к своей работе.

«Значит рядом, должен быть тот, кто в этом заинтересован»

Наведя перекрестие на полметра левее, Николай произвёл выстрел в бруствер. Увидев, как бинокль полетел в одну сторону, а кепка в другую, Николай улыбнулся,

«Похоже, я шибко напугал его». Рана на голове Николая заныла и он, отвернувшись от окуляра, сжал зубы. Мысленно перед глазами стали проплывать очертания его города. Вдоль аллеи, по которой он ходил на работу, росли вечно зелёные ели. Коля никогда не гулял по ней, да и с кем ему там было гулять. Там ведь сидели шумные компании да прохаживались парочки влюблённых. Николаю всегда казалось, что появиться там одному, будет верхом неприличия. Как будто бы все, кто там сидел, сразу бы обернувшись при его появлении, укоризненно замаливали своими головами. «Какая же досада! – думал он. – Вот если бы выжить, вернуться домой,

я бы только и гулял там, и плевать было бы мне на всех». Николай уже пролетал над аллеями своего города, когда свист снарядов, выпущенный батареей «ДЗО», нарушил его мечты.

Николай зажмурился, снаряды продолжали рваться, но теперь они каждый раз падали, приближались к позициям силовиков. Через пару секунд в траншеях на позициях «укров» стали рваться снаряды. Взрывов было несколько, затем ещё и ещё. Коля лежал и, не веря своим глазам, наблюдал, как взрывались ящики с боеприпасами. Вот в небо устремился огромный огненный шар, а за ним сразу же огромное черное облако – это, скорее всего, взрывались канистры с горючим. На той стороне даже не пытались отстреливаться. Артиллерия поняла по характеру взрывов, что по ним работают из «тяжёлого» и расчёты орудий уже бежали с позиций. И только зенитка, находившаяся на платформе «ГАЗ-66» отчаянно была в поле, пытаясь израсходовать все боеприпасы; вскоре и она задымилась.

Её позиция была за домом и Коле не было видно, как фугасным снарядом посеколо весь расчёт и лишь водитель, который до последнего ждал команды чтобы отступить, теперь барахтался на сидении, прижимая правой рукой рваные лохмотья вместо левой руки.

Через минут двадцать взрывы стали одиночными. Скорее всего, артиллеристы подстраховываясь, корректировали свои выстрелы с наблюдателем. Коля обернулся, – по траве бежали люди в камуфляже «горка», – светло-жёлтая форма с коричневыми вставками. Такую он видел только в фильмах. Она напоминала ему робу, в которой ходили сварщики на заводе.

«Может наши?!» – не веря своим глазам, повторял он снова и снова. «Это же наши!!»

Он попытался встать, но его ноги предательски подкосились. Два дня без достаточного движения давали о себе знать. Тогда он опёрся на свою боевую подругу, и, встав на одно колено, с нелепым видом опять плюхнулся на землю.

«Ну, всё, опять будут смеяться...», – опуская глаза подумал он.

Подбежавшие бойцы обнаружили Николая, смущённо улыбавшегося им. Он, будто извиняясь за свой внешний вид, опустив глаза, мысленно просил не ругать его строго. Как в детстве, когда он, стоя в дверях перед своей матерью, оттирал грязные коленки после пробежки по лужам. Он понимал всю нелепость своего положения, но Николай не понимал одного, почему стоявшие возле него бойцы ополчения, – так похожие на мальчишек из детства, не смеялись над ним, а лишь молча, смотрели на него, поочерёдно снимая свои головные уборы. И Коля заплакал. Может от смущения, а может от того, что он больше никогда не увидит, своего командира, Стрелка и...

Глава 3. Граница.

В три часа после полудня ко мне подошёл Паша.

– Исккупаться не хочешь?

– А что, вас отпустили?

– Да, Иваныч разрешил, беги к нему отпрашивайся пока он во дворе.

Я подошёл к Иванычу и изложил ему своё желание, на что он, сделав каменное лицо, ответил:

– Ребята поймите, в любой момент может быть отправка, к тому же у меня приказ, в город не выпускать вас, а если с местными какие трения? Сам понимаешь... оставайся в лагере.

«Вот старый дурак, опять командира включил, и зачем я только у него спрашивал! Оставайся в лагере. Такое ощущение, что я добровольно в тюрьму сдался. Нет, нельзя сдаваться, если старый пень не хочет по-честному, придётся действовать как обычно».

– Иваныч, я из Сибири, про Дон только в книжках читал, а теперь такая возможность появилась, к тому же, я один роли не сыграю.

Лицо Иваныча расплылось в широкой улыбке и он протяжно сказал:

– Иди, коли на Дон-батюшку полюбоваться хочешь.

В нашей компании я был самым младшим и самым неопытным в военном деле. Фокс был небольшого роста, но крепкого телосложения. В его лице читалось зрелость, а также хладнокровность, он был больше похож на предпринимателя, привыкшего к комфорту и к выдержанному виски. Фокс был военным лётчиком в прошлом, сейчас же род его занятий был неизвестен, от Паши я узнал, что у него есть жена и маленький ребёнок.

Вторым был Зевс, выглядел он как человек прошедший горячую точку. На его теле было несколько шрамов, явно от пулевых ранений. В глазах Зевса читался задор, вперемешку с удалю русского богатыря, он по-ребячески смеялся и не мог никак понять, почему Дон такой мутный.

– У нас в Сибири речушки быстрые и холодные, вода в них прозрачная как хрусталь, – кричал он, растираясь полотенцем. В такой реке нет, особого удовольствия купаться.

– Ну да, вы, наверное, в Сибири у себя там с медведями в догонялки играете, – улыбаясь, ответил я.

Зевс пристально посмотрел на меня, и, отвернувшись в сторону, ответил:

– Может, и играем, только вода всё равно мутная.

«Да, с таким собеседником трудновато будет в одной берлоге, какой же особенный они народ – эти сибиряки».

Замыкал наш круг Паша, который работал и жил в Краснодаре, и по моему наблюдению, прожив там несколько лет, теперь говорил с кубанским акцентом.

После неудачной попытки пошутить с Зевсом, я, забросив свои попытки говорить с ними, стал внимательно слушать их рассказы о службе в горячих точках.

Ростов в тот день не жаловал нас погодой, хоть и июльское солнце припекало, но дул очень сильный ветер, после первого же захода, мы отправились обратно в лагерь.

На входе возле ворот нас встретил Док.

– Парни разговор есть.

Фокс и Зевс, демонстративно подняв головы вверх, прошли мимо, показывая тем самым, что они в его подчинении лишь формально, и, не желая слушать его, отправились сидеть на бревно. Док с какой-то растерянностью в глазах подошёл к нам с Пашей и сказал:

– Бродяга попросил оповестить всех, когда будем переходить через границу, скорее всего, пойдём мелкими группами, очень вероятно, что будет обстрел, так что на автобусах могут не повезти. Оружие выдавать не будут, по одному стволу будет только у старших группы, и то не для обороны, а для... – Док запнувшись замолчал, было видно, как он с трудом подбирая слова, пытался выдать нам информацию как можно мягче.

– А для чего? – спросил у него Паша.

– В случае ранения кого-то из группы и невозможности передвигаться самостоятельно, раненого придется... – сделал он паузу. – Чтобы не накрыли всю группу... – Док замолчал, но через мгновение выдал из себя:

– Ну, сами понимаете...

Последняя фраза далась Доку очень трудно, вероятно он и сам был ошарашен такой директивой.

– Что за бред, – возмутился Паша.

– Кто это тебе сказал, Бродяга? А ему? Наверное, Иваныч передал, командир б...

После услышанного, сидевший на бревне, Фокс подскочил, и, взяв Пашу за плечо, отвёл его в сторону.

– Братан, главное из этого цирка выбраться, а там уже нормальные пацаны встретят, у меня уже есть пару телефонов.

Паша, подойдя к Доку, тихо сказал ему:

– Нет, они для меня не командиры, так что не обессудь. Док подошёл ко мне и, видя моё растерянное лицо, попытался сохранить рушившуюся на глазах свою маленькую власть.

– В любом случае командир у вас я, так что приказ есть приказ.

– Как скажешь, – ответил я.

Док был в таком плачевном состоянии, что я бы никогда не простил себе какое-либо нарекание с моей стороны.

Дождавшись пока Фокс уйдёт, я подошёл к Паше и вопросительно взглянул на него.

– Да чепуха все это, не слушай их. Док парень неплохой, просто слушает этих придурков. У нас в Чечне правило было: своих не бросать, хоть мертвого, но вынести, не оставлять... а эти видишь, как выкрутиться решили, своих добивать придумали. Молодцы!

– А у вас там раненные в операциях были? – спросил я.

Конечно, но у нас в отряде, большую часть составляли чеченцы. У них так заведено: если прогнёшься, будут чмырить тебя всю службу, но если покажешь, что есть в тебе стержень, за своего примут. Тогда будь уверен, раненого не бросят, так что я бы лучше в отряд к чеченцам пошёл, чем не пойми к кому.

После разговора с Доком у меня остался неприятный осадок, мне стало понятно, что находимся мы под командованием дилетантов, и если нас действительно при переходе накроют минами – разбегутся все как тараканы, и бегай потом по бескрайним степям Украины, словно заяц.

«Неужели нашу нацию так оболванили за годы правления бездарных руководителей, что люди, занимающиеся военным делом, разучились воевать?».

Решив развеяться от чёрных мыслей, я решил навеститься к Кате, уж всё мне никак не давала покоя её заносчивость. К тому же прикинув, что: «Если отправка здесь через три дня, а, по словам Бродяги, были те, кто находился здесь уже третий день, из её одиночества следовало – с ней никто особо не общался». Может легенда делала своё дело, а может всем было не до этого, все рвались «туда» – за горизонт.

Екатерина передвигалась по лагерю словно привидение. Она, никого не замечала и все делали вид, что тоже её не замечают.

Катя сидела на скамейке под навесом и что-то писала в блокноте. Её огненно-рыжие волосы были туго стянуты в кулёк, ветер пытался заигрывать с её пышным хвостом, но тугая резинка стягивала их и только тоненькие локоны у лба покачивались от ветра.

– А я всегда мечтал стать психологом, – неожиданно для неё, подсев к ней, сказал я.

Катя вздрогнула так, будто её ущипнули, и, увидев мою улыбающуюся физиономию, улыбнулась в ответ.

– Ну, я так понимаю, если ты здесь, значит – твоя мечта не сбылась!

– Почему ты так решила?

– Хорошие психологи добровольцами на войну не ездят, они ждут тех, кто возвращается с боевых действий, чтобы потом на их синдромах зарабатывать деньги.

– Да, с тобой не поспоришь. А сколько ты здесь?

– Две недели уже, – смущённо ответила она.

– И что, кто-нибудь возвращался?

– Я не знаю, мы же только набираем, подсчётом убитых и раненых другие люди занимаются.

– Значит, ты здесь целыми днями сидишь, и блокнот заполняешь? – не унимался я.

– Нет, мы в игры ещё здесь играем с ребятами.

– В какие же игры здесь можно играть? Тем более с Иванычем!

– В мафию, например, – с блеском в глазах ответила она. – Вот сейчас как раз подходит время, поможешь людей собрать?

– С удовольствием! Как коллега коллеге.

Катя улыбнулась и, встав из-за стола, протянула мне листочек и ручку.

– Твоя половина лагеря левая, а моя правая, ну что, пошли? Только тех кто согласится, записывай.

Желающих играть в мафию оказалось немного, наверное, сказывалось долгое пребывание в лагере. С теми, кто согласился, мы сели за обеденный стол. Нас набралось около десяти человек. Напротив меня сидел парень с позывным Моссад, – он был из Израиля. Увидав по телевизору, как украинские каратели утюжили артиллерией гражданское население, он отпра-

вился на помощь мирному населению. По словам Паши, он говорил, что евреи ему не братья и, будучи вывезенным своими родителями ещё маленьким из Союза, он всегда считал себя русским и мечтал возвратиться на Родину. А после победы над карателями он планирует остаться жить на Донбассе.

Моссад напоминал тихого соседа по лестничной клетке, которого лет пять доставали жильцы сверху своей громкой музыкой. И вот не смотря на свой мягкий характер и высокую культуру поведения, ему всё это надоело, настолько надоело, что он отправился из своей уютной израильской квартиры на помощь неизвестному народу – народу Новороссии.

Игра шла вяло, все усилия Кати оживить её прошли даром. В первую партию почему-то первым выгнали меня, аргументируя тем, что я больше всех распинался. Вторая партия прошла немного лучше, я молчал как рыба и продержался дольше, но всё равно был убит по решению большинства, – только потому, что молчал. И вот, наконец, когда в третьем раунде мне выпало быть мафиози, троих ребят Иваныч отправил в наряд на кухню, и наша игра закончилась. Ребята нехотя вставали из-за стола, а я, продолжая сидеть, смотрел на Катю.

«Что же на самом деле привело тебя сюда? Такое хрупкое и нежное создание. Внутреннее призвание помогать тем, кто нуждался в помощи?»

Катя сидела и молча, собирала колоду, её тонкие пальцы неумело складывали карты.

– Катя, а ты куришь? – спросил я.

– Немного, – покраснев от смущения, ответила она.

– Пойдём, ты будешь курить, а я дымом подышу, сам– то уже лет пять как бросил, но иногда так тянет.

– Пойдём на берег, – сказала она.

– А как же Иваныч?

– Если что, я его беру на себя, не переживай, – с улыбкой ответила она.

Мы присели прямо на песок, она закурила, её пальцы, дрожа, сжимали сигарету, и если бы не лето, то можно было подумать, что она дрожит от холода.

– Кать, зачем тебе всё это? Гуляла бы сейчас у себя в городе.

Но она молчала, и, только часто моргая, пристально всматривалась вдаль, не замечая, как уголёк почти приблизился к самому фильтру. Она вдруг посмотрела на меня и прошептала:

– А ты можешь уехать домой?

– Ну и шутки у тебя, – рассмеялся я.

– Я не шучу, я ведь как психолог должна отговаривать вас. Я ведь поэтому и груба была с тобой, потому что не хотела тебя запомнить. Я врунья, я знаю людей, которые убитыми занимаются! Мне вчера подруга звонила, она – «там». Она медсестра в больнице, там много убитых ополченцев, морги переполнены, там настоящая война идёт. Ты понимаешь?

Закурив вторую сигарету, она повернулась ко мне.

– Почему ты такой настойчивый? Теперь я тебя запомню, а ведь тебя убьют, ты же высокий, высоких больше убивают чем маленьких. Мне подруга рассказывала, для окопной войны вы не подходите.

«Да, видно эта девушка знала больше, чем было нужно для её возраста».

Дальше мы сидели молча, впервые, когда я находился с девушкой наедине, мне не хотелось ей что-то говорить, хотелось просто сидеть с ней рядом, и смотреть, как мутные воды Дона, уносили наше ещё счастливое время.

* * *

Вернувшись в лагерь, я отправился в спальню – просторную комнату, но только с одним окном. Всё пространство было заставлено двухъярусными кроватями, между которыми проходили очень узкие проходы. Между кроватями стояли маленькие деревянные стулья, на которых лежали вещи, сумки и прочие принадлежности. На первой кровати возле входа сидели

двое парней из Мурманска. Один из них слушал музыку в наушниках, а другой сидел с отрешённым видом и смотрел в потолок.

– Не помешаю? – спросил я.

– Нет, проходи, – ответил тот, продолжая смотреть в потолок.

– В армии, со мной в одном отделении, служил парень из Мурманска... – попытался я завести разговор.

Парень оторвал глаза от потолка и, посмотрев на меня, спросил:

– Ты служил в армии?

– Да, было дело.

– Тебе хорошо, сразу могут на передовую отправить. А я вот всё учился, но у меня разряд по самбо, да и спортом я занимался, как ты думаешь это учтут? – с надеждой в глазах спросил он.

– Думаю да. Видел я здесь одного, кто тоже служил – морда пропитая, губа разбита, видать всем селом сюда собирали. Он, похоже, только утром понял, куда приехал, всё у Иваныча в город просился, – похмелиться наверно хотел. Иваныч не отпустил, похоже, побоялся, что тот, подерётся с кем-нибудь. А Иванычу походу, чем больше душ отправит, тем лучше. А наверху занято?

– Там я сплю, ты полезай, если есть желание отдохнуть.

Поблагодарив за место, я полез на второй ярус. Воздух здесь был немного свежее, чем внизу, через несколько минут я задремал.

Очнувшись, я услышал, как на улице кто-то кричал:

– Сбор! Всем строиться во дворе!

Быстро спустившись, я стал надевать кроссовки, ребята, что сидели внизу, уже выбежали на улицу. Когда все построились в одном месте, только тогда я увидел, как много нас было в лагере. Стянувшиеся со всех углов парни, построились буквой «П» – фронтом к входу в казарму. Не найдя сразу своё отделение, я встал к первым в отделение Бродяги, но тот увидав чужака в своём отделении, сморщившись прошепел мне:

– Вон, твоё отделение...

«Ну и ну – подумал я. – Как будто я у него кусок мяса из-за рта вырвал, может боится, что я его место в автобусе займу».

В центр нашего построения вышел казак в тельняшке, который записывал мои данные, к нему подошёл Иваныч и что-то сказал на ухо. Поправив свои пышные усы, он громким басом крикнул:

– Сынки! Три автобуса уже в городе, отправка будет в ближайшее время, первому, второму, третьему и четвёртому отделению собрать свои вещи и построиться перед пляжем...

Все ринулись в казарму, о былой дисциплине навязанной нам Иванычем не было и речи. Теперь все тормозили свои матрацы, скидывали ненужные вещи на пол и выскакивали во двор. Лишь несколько человек, которых не записали в списки, одиноко сидели на бревне возле входа и печально смотрели на тех счастливых, которые с гордыми лицами шли по направлению к пляжу.

На берегу мы выстроились в четыре шеренги, перед нами прогуливался Иваныч, и осматривая каждого, повторял:

– Ребята, если у кого есть колюще-режущие предметы, лучше сразу сдайте их, иначе на границе будут проблемы.

Минуту спустя мимо нашего строя прошёл невысокий парень лет тридцати, Паша, дёрнув меня за рукав, прошептал:

Смотри «ФСБшник».

– Что-то не похож он, – с сомнением ответил я.

– А ты думал люди из «ФСБ» все под два метра роста? Я их в Чечне видел, причём чем невзрачней человек, тем выше он в звании.

Молодой человек стоял немного позади Иваныча, на нём был новенький камуфляж без шевронов и знаков различия. Его добрые голубые глаза смотрели на нас по-детски, и если бы не его камуфляж, он походил бы на пионервожатого в детском лагере.

Паша, вывернув свой пакет, радостно уставился на меня.

– Сколько ты барахла набрал! Выкидывай.

Я посмотрел на свою кучу вещей, на вершине которой на солнце поблёскивали два ножа и два мобильных телефона. Откинув ножи в сторону, я спросил:

– Паша, может ножик в кармане спрятать? – кто его знает, когда теперь нас покормят. Как мы консервы открывать будем?

– Ты думаешь, нам их дадут? К тому же, жрать захочешь – зубами откроешь, улыбнувшись, ответил он.

Перед нашим отделением появился Док.

– Парни, из мобильных телефонов вытащите sim– карты. У кого телефоны сенсорные – обмотайте их фольгой.

В одной руке Дока был рулон фольги, а в другой моток канцелярского скотча.

– А скотч зачем? – крикнул кто-то из строя.

– Вместо жгута. Отрежьте себе четыре ленты, по метру на каждую конечность, – сухо сказал Док.

– А для шеи пятую резать? – выкрикнули из строя.

– Только если есть шестая, – добавил я.

Шеренга взорвалась хохотом, а Док, не отреагировав на шутки, отвернувшись, стал молча резать скотч на ленты.

Увидав, что все порезали скотч и обмотали телефоны, инструктор обратился к строю:

– А теперь сложите все вещи, которые разрешены у себя в ногах, а запрещенные киньте в сторону.

После этого, он ещё раз обошёл каждую шеренгу, пристально вглядываясь на обмотанные фольгой свёртки. Потом кивком головы он подозвал Иваныча и, сказав ему очень тихо несколько слов, не прощаясь, отправился в лагерь.

Подойдя к нам, Иваныч распустил нас:

– А теперь ребята, сходите к воде, да покурите, пока есть время, – а сам отправился собирать запрещенные вещи в мешок.

Мы вышли прямо на пляж. Кто-то спустился к самой воде, кто-то, прогуливаясь по песку, осматривал стоявшие грибки.

Муромчане, оставшись без присмотра и спустившись к реке, стали обливать друг друга водой. А после, изрядно намочившись, они травили байки про Иваныча, громко смеясь, они напоминали девятиклассников, которые вышли на большую перемену во двор школы.

Утренний ветер стих, их громкий смех эхом доносился до противоположного берега. В свою очередь отдохавшие там горожане, с удивлением наблюдали, как на крошечном пятачке спасательной станции, одетые не по погоде, прогуливались молодые парни. Знали бы они истинную цель нашего пребывания здесь. Громадные тучи, низко склонившись над Доном, медленно уплывали на запад, как будто пытаясь рассмотреть внизу тех, кто ещё не был террористами...

Микроавтобусы заехали прямо во двор лагеря, мы уже были во дворе и успели перемешаться с другими отделениями. Впереди колонны остановился легковой автомобиль с украинскими номерами, из него вышли двое мужчин. Не успели они сделать несколько шагов, как мы сразу окружили их. Первый был с большой и пышной бородой, и напоминал бурого медведя, только с добрым лицом. Он застенчиво здоровался с ребятами, которые уже тянули к нему

свои руки. На левом рукаве у него была пришита пыльная георгиевская ленточка. На правом рукаве был зеленый шеврон: на нём был изображён щит и меч, с надписью «Народное ополчение Донбасса». Второй был щуплый и выглядел лет на сорок пять, на нём была обыкновенная чёрная футболка и джинсы. Поздоровавшись почти со всеми, он направился к Иванычу.

– Ну, что грузимся? Сколько человек? – тихо спросил он.

– Сорок пять, – ответил Иваныч,

– Могут все не поместиться.

– Поместятся... – сухо ответил Иваныч и вошёл в центр толпы.

– Грузимся, ребята! – крикнул Иваныч. – Первое и второе отделение – в первую машину, остальные – во вторую и третью.

Мне досталось место в самом конце микроавтобуса, те, кому не хватило места, стояли, бросив свои сумки под ноги.

Спустя несколько минут машины тронулись, посмотрев в окно я последний раз взглянул на Катю, которая стояла рядом с Казаком. Он что-то говорил ей, но

она, не обращая на него внимания, махала рукой проезжающим мимо неё автобусам.

«Ну, вот и всё», – откинувшись на сидение, подумал я и закрыл глаза. Автобусы, набирая скорость, уносили нас прочь, туда, куда мы рвались без оглядки...

* * *

Набрав приличную скорость, мы довольно быстро покинули пределы города. Перед нами расстиались широкие донские степи, дорога была великолепная. Над золотистыми полями простиралась темно-синяя артерия из нового асфальта. Кто-то из ребят поинтересовался у водителя, сколько ехать до границы. Узнав, что дорога займёт несколько часов, автобус сразу же наполнился гулом недовольства. Все сетовали на то, что воды и сухих пайков никто не выдал. Спустя час, парень, который сидел в салоне, сразу после водительского сидения, обратился к водителю:

– Послушай дружище, передай по радиации Иванычу, чтобы он сделал остановку, у нас воды нет...

После переговоров по радиации, водитель объявил:

– Парни, на следующей остановке можно будет выйти.

Подъехав к заправке, мы высыпали из микроавтобуса, и устремились в магазин. Иваныч конечно пытался на входе давать какие-то руководства, но его уже никто, не воспринимал всерьёз. Вырвавшись из толпы после покупки нескольких бутылок, и, отойдя метров пять от заправочных колонок, я присел на газоне. Ко мне подошёл паренёк и виновато попросил воды. Сделав несколько глотков, он вытер пот со лба и тихо проговорил:

– Иваныч гад приказал все продукты оставить в лагере, а я последние деньги потратил на упаковку воды и несколько банок тушёнки, говорил что выдадут «сухпайки» и воду.

– И где они?

– Наверно в продуктовом магазине под названием: «У Иваныча».

Парень, улыбнувшись, вытащил из кармана пачку «Донского табака», и, раскрыв её предложил:

– Будешь?

– Я не курю, – вырвалось у меня по-привычке, но через несколько секунд, подумав о том, что здоровья мне на мой век хватит, я согласился. – А впрочем, давай.

Мы закурили, а потом, оглянувшись по сторонам, я смутился: «Ведь мы же на заправке!» – подумал я.

Мой собеседник, будто прочитав мои мысли сказал:

– Да ладно, вон, смотри, все дымят!

Перед стоявшими автобусами возле пластиковых полупустых бутылок стояли довольные привалом парни. Смачно делая затяжки, они будто не замечали развешанных повсюду знаков запрещающих курение. Некоторые из них закуривали второй раз, и только Иваныч с хмурым видом сновавший между ними призывал, всех к ответственности.

– Ребята, тушите сигареты – подорвёмся, колонки же рядом!

– А я из Ростовской области, – повернувшись ко мне, сказал парень. – Я здесь несколько раз проезжал. Я на ферме комбайнёром работаю, только мы проезжали здесь ночью. Своим ходом к полям следовали на комбайнах, жалко – через месяц ребята в поля поедут, уборочная начнётся, работы столько.

– У тебя тоже через несколько дней в полях своя жатва будет, тебе повезло – на танк попадёшь, – усмехнулся я.

– Д-а-а? На танк – это хорошо. Только плохо, что мать у меня болеет. Я когда сказал ей куда еду, она и слегла. Я весь день возле её постели сидел. А она всё причитала: «На кого же ты теперь меня, сыночек, больную оставишь?» – Той же ночью долго уснуть не мог, вышел на кухню покурить, и долго сидел в тишине, слышу, а она по комнате ходит. Тогда я понял – обманывает, чтобы не отпускать. Я на утро собрался, сунул денег ей под подушку (сколько за месяц заработал), и только за дверь, а она приподнялась с кровати и кричит: «Сынок ты куда?» – А я ей: «Мама, я за сигаретами, скоро вернусь», – и, не обернувшись, ушёл. – Иду, а у самого слёзы на глазах – матери перед отъездом в глаза не посмотрел, нельзя мне было, понимаешь? Поняла бы она, что не вернусь.

– Ну, ты даёшь, кто же такие вещи родным говорит, я за неделю собирался, достал свой армейский камуфляж, и повесил в кладовой, как назло, маман там уборку затеяла. Я с работы прихожу, а она стоит в коридоре и камуфляж в руках держит.

– Ты что, дурак? На войну собрался? – сама кричит и рыдает.

– Я ей, ты что, на какую войну? А она: «Я же всё чувствую, к тому же я не дура, телевизор смотрю иногда, знаю, что на Украине творится.

– Пришлось ей соврать, что я на Байкал еду дикарём с ребятами в палатках жить. А было это за два дня до отъезда.

– Да уж, материнское сердце не обманешь, – с горечью в голосе проговорил парень.

– Ребята, бросай перекур, в машины! – крикнул Иваныч.

Все засуетились и стали заскакивать в микроавтобусы.

Мы встали, и парень весело сказал:

– Ну что, до следующего привала?

– Ты возьми воды, мало ли, когда теперь остановка будет, сказал я, протягивая ему бутылку.

Он протянул загорелую от солнца руку с перевязанным указательным пальцем, и широко улыбаясь, ответил:

– Спасибо.

– На здоровье, – ответил я и направился к своему микроавтобусу.

Подходя к машинам, я заметил парня в тельняшке, который озадаченно смотрел на наш автобус. Из окна ему кричали муромчане.

– Кобра, давай к нам!

Но в микроавтобусе все места были заняты, и, заходившие внутрь ребята, вставали возле поручней. Кобра, заглянув в салон, крикнул им:

– Ладно, на границе встретимся, перекантуюсь как–нибудь в первой машине.

Спрыгнув с подножки, он поспешил к микроавтобусу.

– Я же из «ВДВ», так-то вообще по-фигу, прорвёмся... После того как Иваныч пересчитал всех, автобусы тронулись.

Снова впереди одно пшеничное поле сменялось другим, казалось, не было этому золотому великолепию ни конца, ни края.

* * *

Через проход, слева от меня, на двойном сидении, сидели Паша и парень в камуфляже. На вид собеседнику Павла было около тридцати лет. Маленького роста, загорелый, с начисто выбритой головой. Несмотря на зрелый возраст, по нему было видно, что он поддерживает себя в хорошей физической форме. Паша что-то очень бурно рассказывал ему и постоянно улыбался. Может причиной его веселья стала общая тема, а может бутылка пива в руках Павла.

Провалившись в сон и проспав несколько часов, я очнулся. Солнце уже опускалось за холмы, окрашиваясь в багряный цвет. На задних сидениях парни из Мурманска и Док, громко смеясь, что-то обсуждали. Док травил анекдоты, вставляя в них украинские слова, но получалось у него это плохо. Парни взрывались бурным смехом, не от самого анекдота, а скорее от фраз Дока на украинском языке, которые им жителям севера, были в диковинку. Но когда в очередной раз Док выдал фразу: «Михай е..., лишь бы не били!» – после этого хохотом взорвался весь автобус.

Осмотревшись, я увидел, как двое парней, которые стояли в проходе, от усталости, побросав свои сумки на пол, расположились на них как на сиденьях, – тихо беседуя, они совсем не реагировали на пошлые выкрики Дока. Они будто бы, вообще не ехали с нами. Один из них, интеллигентного вида мужчина, с взъерошенными волосами и небольшой порослью на подбородке, с большим воодушевлением, что-то рассказывал своему собеседнику. А тот, без поддельного интереса слушал его, иногда утвердительно кивая головой. Как ни старался я уловить смысл его рассказа, у меня ничего не получалось. Из-за тряски и скрипа в автобусе до меня доносились лишь обрывки его фраз. Он рассказывал про какую-то утопию, а также про иностранных учёных, которые пытались её создать. Его речь была такой монотонной, что мне снова захотелось спать. Удивительно, как эти чудaki быстро нашли друг друга. Наблюдая за их диалогом, я немного завидовал им. Познакомившись всего несколько часов назад, они уже так хорошо понимали друг друга. У меня даже появилась какая-то неприязнь к ним: «Ну и хорошо, что им не досталось места, а то слишком жирно было бы».

Оглядываясь вокруг, мне казалось, что пока я спал эти несколько часов, все вокруг нашли себе собеседников по интересам. Теперь лица некоторых ребят были другими, как будто всех тех, кто успел обзавестись новым другом, объединят и отправят в одно подразделение, а одиноким так и оставят на обочине. Даже старик, сидевший впереди меня, с заботливым видом промывал мозги сидящему рядом с ним молодому пареньку.

– Понимаешь, сынок, христианство, как и православие это жидовская религия, а поклоняться следует истинно русским богам.

Его полностью седые, белые как снег волосы, были зачёсаны назад и собраны в пучок, борода была чуть темнее. Одет он был в старые джинсы ещё советских времён, и в клетчатую рубашку.

Когда он снова стал возвращаться к достоинствам язычества, я, заскучав от однообразных пейзажей за стеклом, сказал ему:

– В наше время победы науки над предрассудками человечества, глупо верить, что солнце чем-то поможет, если ему принести жертву.

Старичок вдруг резко замолчал, и, обернувшись ко мне, гневно посмотрел прямо мне в глаза. Его тонкие губы сжались настолько сильно, что совсем исчезли. Сквозь зубы он громко крикнул мне.

– Значит, ты считаешь мировоззрения, в которые верили твои великие предки, глупыми предрассудками?!

– Все великие для меня цари были христианами, – подзадоривал я его.

– А Пересвет?! Рюрик, вообще Русь образовал. А ты знаешь, что Русь огнём и мечом крестили, сколько крови пролили, а для чего?

Я не был особым приверженцем христианства, потому что считал: люди должны надеяться на человека, а не на Бога. К тому же во все времена церковь стремилась подавить просвещение народа. А цель христианства – плодиться и размножаться, приведёт в итоге к перенаселению планеты. Впоследствии, если человечество перестанет воевать – это приведёт к тому, что людям придётся есть друг друга. Но видя, как этот старик смотрел на меня, я яростно стал доказывать, почему христианство лучше язычества. В итоге мы с ним стали, так громко кричать, что заглушили муромчан, и водитель, пытаясь до нас докричаться, повторял:

– Мужчины! Мужчины! Довольно, приберегите свой гнев для «укров»!

Внезапно старик замолчал, и, улыбнувшись, сказал мне:

– Юноша! Вы слишком молоды, извините меня, увлёкся, – и тут же отвернулся, как будто ничего и не было.

И снова с заботливым видом стал рассказывать, своему собеседнику про свою жизнь в Архангельской области.

– Сынок, ты здоров и молод, откажись от искушений цивилизации, я вот уже десять лет не смотрю телевизор, и в магазине отраву не покупаю, ем только то, что на огороде вырастил.

– А как же ты про войну-то узнал, дед? – крикнул ему я.

– Все важные новости я узнаю от соседей. Как узнал про беду на Украине – сразу поспешил на помощь.

Теперь, внимательно слушая ответы деда, молчал весь автобус, даже двое интеллигентов перестали шептаться. Все как будто ждали развязки, но когда вдруг из кармана старика раздалась мелодия мобильного телефона, все взорвались смехом, а старик, покраснев, оправдывался:

– На войну же поехал, вот друзья и подарили, как же на войне и без связи...

Но никто деда всерьёз уже не воспринимал. Интеллигенты продолжали говорить про миф об утопии, Док стал рассказывать про свой дом, а Паша с большим интересом слушал своего новоиспечённого друга.

Вскоре вдалеке показались строения, парень, который сидел сразу за водителем обратился к своему соседу:

– К Донецку подъезжаем.

– Как Донецк, удивлённо воскликнул его собеседник, почему так быстро?

– Есть Российский Донецк – он намного меньше, и находится возле границы, – уверенно ответил он.

Российский Донецк напоминал больше поселок, чем город. Его местные жители всё никак не могли привыкнуть к колоннам автобусов, каждый день подъезжающих к границе. Мы ехали вдоль уютных домиков, через заборы которых свисали поспевшие вишни, созревшие яблоки и груши. Вдоль дороги росли абрикосовые деревья, земля возле которых была щедро усыпана гниющими плодами.

Муромчане возмущённо сетовали на то, что добро здесь гниёт на земле, а у себя в городе, они фрукты покупают за большие деньги. Малый Донецк мы проехали минут за десять. И снова впереди потянулась бескрайняя степь, теперь засаженная подсолнечником, чаши которого, не успев раскрыться, словно золотой зеркальной пленкой, отражали солнечные лучи. Дорога шла вверх, а вдалеке уже виднелся таможенный терминал российско-украинской границы.

Терминал состоял из нескольких бетонных одноэтажных зданий, перед которыми тянулся длинный коридор, огороженный забором, который служил для входа и выхода пешеходов. Микроавтобусы подъехали почти вплотную к «КПП». Водителю по рации сообщили, чтобы он не открывал двери, продолжая всех держать в автобусе. Все разговоры притихли, лица парней стали задумчивыми. Они принялись пристально разглядывать небольшие

постройки терминала. Из автомобиля, возглавлявшего колонну, вышел ополченец и направился к пропускному пункту, за ним засеменил Иваныч. Минут через пятнадцать пришёл Иваныч, он заглянул в салон через форточку, словно вор, который что-то украл и теперь опасался разоблачения, и негромко проговорил:

– Ребята, сейчас вы будете пересекать границу с Украиной, помните, что на данной территории вы будете находиться официально в качестве туристов, поэтому никаких глупостей не совершайте. Сейчас все выходим из автобуса и строимся в очередь перед калиткой. Проходим по пять человек, паспорта держим в руках. Ребята, ещё раз напоминаю, сумки будут обыскивать, поэтому, запрещённые вещи лучше выложите здесь. Всем всё ясно?

– Ясно, ясно, открывай дверь, – загудели муромчане.

Все стали выгружаться из автобуса, конечно никто не собирался строиться в очередь, кто-то после долгой дороги, стал разминать затёкшие ноги, некоторые образовав круг, закуривали сигареты, кто-то стал осматривать проволочный забор «КПП».

В толпе куривших парней, я нашёл Пашу, который стоял рядом с Фоксом, Зевсом, и соседом по месту в автобусе. Они обсуждали наш спор со стариком.

– Ну как тебе дед? Понравился? – с улыбкой спросил Паша.

– Старый дурак, в губернии он жил и слово же такое вспомнил, и чего припёрся, ел бы дальше там у себя свою редьку.

– Да ладно, старик бы прокатил за старообрядца, только вот телефон его выдал, – сказал Фокс и все ребята засмеялись.

– Ну, что там?! – крикнул Зевс, в сторону калитки, где стояли ребята, готовясь зайти внутрь.

– Скоро! На той стороне беженцев пропускают! – ответили ему.

Через несколько минут, мы увидели старый микроавтобус с украинскими номерами, который медленно двигался к российской части «КПП». Автобус остановился, водитель быстро выскочил и побежал к пограничнику, чтобы показать ему бумаги о досмотре транспортного средства.

Через минуту мы увидели колонну беженцев, они сильно растянулись из-за старушки, которая, медленно переступая ногами, опиралась на костыли. Её левая нога была перебинтована от ступни до колена, идти ей помогал молодой парень лет шестнадцати. Все сразу же притихли и стали пристально рассматривать беженцев. Впереди всех шла молодая девушка. Она была одета в короткие шорты, и футболку, в ушах у неё были наушники, а её длинные каштановые волосы, колыхаясь на ветру доходили до талии. За ней шёл парень и нёс две сумки, в толпе слышались недовольные возгласы:

– Почему он не в окопах?!

– За женской юбкой спрятался! А мы за него должны кровь проливать?

Лица у беженцев были угрюмые, и лишь у маленькой девочки лет шести, глаза сияли от любопытства. Она

вприпрыжку бежала за своим отцом. Одной рукой она постоянно дёргала его за руку, а другой, показывая на нас, что-то спрашивала у своего отца.

Когда старушка дошла до пограничника, она остановилась и что-то сказала ему, пограничник, сморщив нос, жестом показал ей отойти в сторону. Из проезжавших мимо них автомобилей, смотрели равнодушные лица, как будто ни её, ни пограничника не было вовсе. Старушка же с надеждой и слезами на глазах, всматривалась в проезжавшие мимо неё машины, и что-то шептала. К нам подошёл Иваныч, и, закурив, сказал:

– Без документов она, говорит, дом разбомбили, все документы и вещи сгорели при пожаре. Родственников у неё нет, денег нет. Её до границы довезли, дальше автобус не идёт, что с ней делать никто не знает.

Мальчишка, помогавший старушке идти, не прощаясь с ней, побежал догонять своих родных, а она так и осталась стоять, провожая взглядом каждую проезжавшую машину, как будто надеясь найти там своих старых знакомых или дальних родственников. Из её глаз текли скупые слёзы, она отирала их маленьким платком, зажатым в руке, а другой она прижималась к костылю, как к самому родному человеку, который теперь оставался для неё единственным помощником на этой земле.

Последняя машина остановилась возле пограничника, из неё вышел офицер и водитель, они подошли к ней и, после не продолжительного разговора, помогли ей сесть на заднее сиденье, дверь захлопнулась и машина тронулась.

– В лагерь для беженцев повезли. Что же делается?! Кому же это всё надо то... – тихо сказал Иваныч.

Наконец к калитке, где стояли первые парни, подошёл офицер, он сказал несколько слов ребятам и отправился в сторону пропускного пункта. За ним отправилось пятеро парней. Вся толпа с облегчением вздохнула наконец-то начавшемуся пропуску.

Второй группой пошли муромчане, быстро шагая, они снова о чём-то шутили. За их спинами покачивались рюкзаки, казалось, что ребята собрались в поход куда-нибудь в горы и весело обсуждают маршрут, и только черный берет морской пехоты на одном из них, выдавал истинное место их путешествия.

Затем ещё две пятёрки отправились в пункт. Вскоре в обратном направлении от пункта показались муромчане. Шли они молча, с растерянными лицами. Наконец, подойдя к Иванычу, парень в чёрном берете сказал:

– У нас одного человека не пропустили, говорят у него с документами что-то не так – без него мы не поедem. Что теперь делать?

– Присядьте где-нибудь в сторонке, и ждите, когда все пройдут. Потом я позвоню в штаб, если там разрешат – повезём вас в другой терминал, он поменьше, может там пропустят.

– Ещё там сказали, что пока никого из нашей группы пропускать не будут, так как вы не оповестили пограничников о прибытии нашей колонны. После чего трое парней поплелись к автобусам.

К Иванычу подошёл Фокс и с ухмылкой сказал:

– А что теперь делать тем парням, которые успели перейти? Им что в поле ночевать?

Иваныч стоял в полной растерянности, не зная что ответить Фоксу. Почесав свой затылок, он виновато сказал:

– Погодите, ребята, сейчас разберёмся и быстрым шагом направился к автобусам.

Фокс наклонился к Паше и прошептал:

– До 22:00 осталось пару часов, а после они закроют границу, и мы будем ночевать в поле. Нужно сейчас ловить попутки и ехать в малый Донецк, снимать там квартиру на сутки.

Паша, посмотрев на него печально, ответил:

– У меня денег нет, только на сигареты.

– Брось ты это, квартиру снять у меня хватит денег.

– Хорошо, ждём ещё час и уезжаем, согласен?

– Ждём, – ответил Фокс и закурил сигарету.

Глава 4. Филиал.

В сумерках наступившего вечера, когда земля потускнела из-за заходившего солнца, метрах в ста от КПП, можно было разглядеть две небольшие воронки от взрывов, которые отчётливо выделялись на гладкой земле. С полей затянул прохладный ветерок, после жаркого дня было приятно подставлять ему своё лицо. Вокруг расстилалась бескрайняя степь, и только уродливые постройки терминала одиноко топорщились на её идеальных просторах. Казалось над степью не властно время. Гуляя вдоль обрывистого берега Волги, по срезу с многочисленными прослойками можно увидеть, как менялась природа за последние несколько сотен лет. Здесь же всё оставалось также как сто, двести, триста лет назад. Казалось, где-то на окраине хутора, затянут казаки свои песни о том, как в былые времена топтали зелёный флаг с полумесяцем, охраняя границы великого государства. Некогда, народ, жизненный уклад которого был основан на военном деле, надёжным щитом, верой и правдой служил великой Российской империи. Но сколько не всматривайся вдаль, не увидать теперь тех станиц. Советская власть, которая видела в казаках, только угрозу для своей кровожадной тирании, стёрла его великую историю, расселив и разлучив некогда многочисленные семьи по разным уголкам России.

– О чём задумался? – толкнув меня в плечо, сказал Паша.

– Предки мои жили здесь, а теперь нет их.

– Куда же они делись? – улыбаясь, спросил он.

– Геноцид, Паша, обыкновенный геноцид.

– Ты лучше не о прошлом думай, а о сегодняшнем вечере, или ты собрался с предками ночевать? В общем, нас трое, ещё одно место в такси свободно. С нами поедешь?

– Поеду, а куда вы собрались?

– Квартиру на ночь снимем, там и заночуем, всё, не теряйся, – сказал он и пошёл к Фоксу.

Стемнело, на столбах расположенных по периметру терминала, зажглись фонари. Окрасившись в холодный цвет светодиодных ламп, серые стены теперь всё больше отталкивали меня своей отчуждённостью. Казалось здесь, нас просто не замечали. Будто мы были уже чужими для тех, кто нёс здесь пограничную службу.

Из самого близкого к нам строения вышел Иваныч, и походкой, которая почти срывалась в бег, направился к нам. Подойдя к сидевшим в кругу ребятам, Иваныч, громким голосом сказал:

– Ребята, без суеты строимся в очередь, таможня даёт добро!

Как будто не чувствуя усталости от долгой дороги и от мучительного ожидания, все вскочив, постарались быть первыми, возле заветной калитки. Наконец настала наша очередь, я шёл за Фоксом, Пашей и следовавшим с ними Зевсом.

Перед будкой, возле которой нам следовало остановиться, стояла парта, за ней стояли два пограничника сержантского состава. Они жестом указали нам следовать к столу.

– Сумки на стол, запрещенные предметы выкладывают сразу, если таковые имеются, сухо констатировал один из пограничников.

Первыми проверяли Фокса и Пашу, их досмотр затянулся, так как сержант, нашедший стальную фляжку, стал обнюхивать её горлышко.

Стоявший рядом пограничник, без интереса наблюдавший за действиями своего напарника, головой кивнул в мою сторону и отошёл от парты.

– Проходи, сумку на асфальт к досмотру.

Не обнаружив в моей сумке ничего запрещённого, он сказал:

– Проходи к пропускному пункту, для проверки документов.

Я подошёл к окошку, на которое указал пограничник, сидевшая там женщина в форме, устало выдохнув, сказала:

– Паспорт.

Выложив все документы, какие у меня были с собой, я стал ждать, пока она делала какие-то записи в своём журнале.

– В какой город следуете? – не отрывая глаз от журнала, спросила она.

И тут я замешкался: «В какой город мы следуем? Нам Михалыч об этом ничего не говорил», – вертелось у меня в голове.

Обернувшись к Павлу, я спросил:

– Паша, а в какой город мы следуем?

Паша, обернувшись к Фоксу, задал ему тот же вопрос. Но по выражению лица Фокса было видно, что такими данными он не располагает.

Тогда один из пограничников высунув руку из сумки Зевса, крикнул нам:

– В Донецк следуете, бабушке крышу чинить!

– Да, точно к бабушке, – еле сдерживая смех, сказал я инспектору.

– Эх, ребята, вы же совсем ещё мальчишки, – с досадой проговорила она и вернула мне документы.

«Вот и всё! – вертелось у меня в голове. – Я на Украине, я прошёл...»

За будкой, после узкого коридора, была огромная площадка, за которой находилось здание. На фасаде висела большая прямоугольная вывеска с надписью: «Duty Free», лампочки, из которых состояли буквы, горели красным светом.

Словно замороженный я смотрел на эту табличку, в памяти всплывали рассказы, о смешных ценах в торговых сетях «Duty Free». Через минуту ко мне подошёл Паша, и протянул сигарету марки «Кент».

– Откуда? У тебя же таких сигарет, не было?

– Закуривай, «погранец» угостил, ты прикинь он из Сибири родом.

Через несколько минут к нам подошёл майор, и, достав свой блокнот, попросил назвать фамилии.

– А вы случайно не из «ФСБ»? – спросил Паша.

– А как ты догадался? – улыбнулся майор.

– Смотрю вам тоже здесь досталось, – показывая на воронки, сказал я, не дав Павлу ответить.

– Вчера с украинской территории прилетело, мы тут не на шутку всполошились все, признаюсь, я сам в укрытие полез. И главное неожиданно, после обеда, хорошо беженцев пересекающих границу не было.

Переписав наши фамилии в свою большую отделанную чёрной кожей записную книжку, майор, пожелав нам удачи, покинул нас.

– Слушай, Паша, пошли в «Duty Free», напоследок отоваримся, я слышал там цены на сигареты и алкоголь смешные.

– Нет уж, мы слишком долго ждали, чтобы теперь отвлекаться на пустяки, к тому же пока мы там будем выбирать, вся эта орава, может и без нас уехать, считать-то нас теперь некому.

– Эх, жаль, я всегда мечтал там побывать, – с досадой ответил я.

– Не унывай, за свою жизнь ещё успеем.

После того как мы покурили, пропускная способность пункта, значительно возросла, по-видимому из-за чьей-то команды данной сверху, таможенники стали расторопней с досмотром. Вокруг нас появлялись всё новые и новые лица довольных парней. Последним шёл Иавныч, на его лице впервые за несколько часов была улыбка. Подойдя к нам, он с гордостью сказал:

– Ну, всё ребята... я прощаюсь с вами, моя работа выполнена. Вы благополучно доставлены. Теперь следуйте, до дальнего кордона там вас встретят. Прощайте, сынки! – чуть не прослезившись, сказал Иавныч.

Строить нас теперь было некому, поэтому мы шли, растянувшись по два, три человека. Все шли молча, и лишь Фокс, шедший возле Паши тихо бормотал ему:

– Клоун, слезу выдавить артистизма не хватило. «Сухпай» зажал, воды не дал, а у самого «лапатник» во внутреннем кармане туго набитый «баблом» выпирает.

Так как украинский терминал ополченцы брали с боем, электричества на нём не было. В ночной темноте, поглотившей почти все постройки, отчётливо выделялись два жёлтых автобуса с горевшими габаритами. Возле них стояло несколько человек, в руках которых мерцали угольки от сигарет. Наш так называемый строй заметно растянулся, впереди, возглавляя процессию, задрав голову, бодро шагал Бродяга.

Наша компания шла в самом конце из-за Фокса, который нащёптывая Павлу очередной план, не хотел иметь лишних ушей за спиной.

Когда мы подошли к автобусам, которые стояли рядом с «КПП», возле дверей с разбитыми стеклами, на раскладном стуле сидел ополченец. В одной руке он держал веревку, которая служила механизмом для поднимания на треть обломанного шлагбаума. Другой рукой, он придерживал рукоятку ручного пулемёта закинутаго на плечо.

– Смотри-ка, – толкнув меня в бок, сказал Паша. – А наши пацаны, «КПП», то с боем взяли. Какие же всё-таки настырные у хохлов пограничники – до последнего держались.

– Кто же от такой кормушки добровольно откажется! Подойдя к автобусам вплотную, мы увидели Бродягу.

Переодевшись в маскировочный халат «берёзка», и надев на голову чёрный берет с кокардой российских войск, он беседовал с ополченцами, стоявшими возле автобусов. Подошедший к нему Кобра, удивившись его новой форме спросил:

– Откуда?

– Да, потому что я дома братан! – закуривая сигарету, ответил тот.

– Ты погляди на него и когда это он успел переодеться? Таким Макаром Бродяга на «КПП» останется, будет здесь новичков встречать и рассказывать им за жизнь.

– Не знаю, не знаю, от такого, что хочешь ожидать можно, – ответил Паша.

Мы подошли к задней двери автобуса, когда я, собираясь зайти внутрь, поставил ногу на подножку, Павел окликнул меня:

– Постой, давай подождём остальных.

Я закурил, прислушиваясь к тишине июльской ночи. Было настолько тихо и безветренно, что даже ликования

Бродяги, о его героическом возвращении на родину, не могли заглушить пение сверчков. У меня не было никакого скверного предчувствия на душе, было так спокойно и легко, как будто – это была ночная экскурсия в заповедную зону вместе со старыми друзьями.

Через несколько минут подошёл Фокс с Зевсом, Фокс, подойдя к Паше, почти вплотную шепнул ему:

– Поездка будет отличной...

Он пару раз ударил себя по правому карману, откуда послышался звук удара о пластиковую бутылку. Паша, улыбаясь, деловито сказал:

– Так чего время зря терять, вперёд занимать места, – и толкнув меня в плечо, заскочил в салон.

Заняв первые четыре места перед водителем, мы небрежно затолкнули свои дорожные сумки себе под ноги. Сидевший возле окна Фокс, постоянно вертел головой по сторонам, будто ожидая кого-то, затем обернувшись к Паше, сидевшему за ним, сказал:

– Ну, что? Как только тронемся – начнём. Я договорился! Наши сопровождающие, против нашего мероприятия возражать не будут. Самое главное, чтобы мы не буянили, а то всё-таки территория боевых действий.

Автобус стал наполняться людьми, и вскоре все сидячие места были заняты. Двое парней, вошедшие последними, по привычному для нас сценарию, бросив сумки на пол, уселись в проходе.

Вскоре в проёме дверей передней части автобуса, появился ополченец в камуфляжной футболке и лёгкой разгрузке, в руках у него был «ублюдок⁶», заглянув вглубь салона, он сказал:

Парни, посчитайтесь. Когда закончивший расчёт парень крикнул ему результат, он выскочил из автобуса. Сказав несколько слов сопровождающему, который сидел во втором автобусе он вернулся обратно.

Забежав через заднюю дверь, он прошёлся по автобусу и, присев на переднее место напротив водителя, сказал:

Нет, парни, не пойдёт, проход загромождён, ребята бегите ко второму автобусу, там есть сидячие места. Серёжа, двери не закрывай, по новому маршруту поедem, старую дорогу уже оставили, мне сейчас Серёга звонил. Другой путь помнишь?

– Ну конечно, – ответил водитель.

– Ну, тогда заводи и в путь, на посты уже передали, нас ждут.

Водитель повернул ключ зажигания, и, не прогревая двигателя, тронулся с места. Впереди всё быстрее и быстрее освещённая желтым светом фар извивалась серая асфальтированная дорога.

– Я нагнулся к Паше и тихо сказал ему:

– А если бы не успели по рации передать, о том что дорога занята хохлами?

– Не забивай ты себе этим голову, если при обстреле водителя убьют, выбегай и про вещи забудь, главное от автобуса подальше беги.

Затем наклонившись к Фоксу, он шепнул тому на ухо:

– Ну что? Наливай.

Фокс, как будто только и ждавший этого момента, молча зашуршав бутылкой в кармане, сделал из неё один большой глоток, передал её Зевсу, сидевшему рядом с ним. Зевс, отхлебнув и слегка поморщившись, протянул её Павлу. Придерживая крышку руками, Паша передал бутылку мне.

– Нет, что ты, я не пью, – возразил я.

– Выпей, – настойчиво сказал он. – Такая традиция, – и обернувшись к Фоксу, шепнул ему:

– Парень с нами.

– Ну, не возражаю, – не оборачиваясь, ответил Фокс.

После того, как мы на четверых выпили половину бутылки, Зевс, поблагодарив Фокса за угощение, перебрался на сиденье к сопровождающему нас ополченцу. Сопровождающий к тому времени, толи от унылой и однообразной картины, извивающейся в ночи дороги, толи от постоянного недосыпания, уже тихо дремал. И только на кочках подбрасывавших автобус, он, вздрагивая, посматривал на дорогу, затем закрывал глаза снова.

Зевс, осторожно взял автомат, лежавший, возле дремавшего ополченца и со счастливым видом стал кривляться с оружием.

После того как Фокс остался один, он, облокотившись на стекло, задремал. Павел же, под действием алкоголя, стал изливать мне душу о своих недавних отношениях.

– Ты пойми, я с ней уже как два месяца не виделся, отовсюду её удалил, а она как узнала, что я на Донбасс еду, бросила всё и прибежала меня провожать. Любит она меня, и ждать будет, – размахивая пальцем передо мной, утверждал он.

– Я думаю, Паша, она пришла проводить тебя, только из женского любопытства или обычной жалости, и чувства здесь не причём. А может пришла убедиться, что ты точно уезжаешь и больше вас теперь ничего связывать не может.

Прищурился один глаз, он посмотрел на меня и, запинаясь, спросил:

– Ты, правда, так считаешь?

– Это моё мнение, надеюсь, она думала иначе. Я, Паша, разочаровался в девушках, не знаю, может раньше они другими были. Но сейчас они, давая клятвы, чуть ли не на конституции, через неделю могут сказать, что любовь прошла, и никто никому ничем не обязан. Как с ними можно строить отношения? А если родится ребёнок, а она влюбится в другого человека? Тогда что делать? Терпеть измены или платить всю жизнь алименты? Может ты и хороший разведчик, но в девушках я знаю толк. Запомни, Паша, всё сказанное девушкой, не является правдой, а лишь стечением обстоятельств.

– Послушай, или я так сильно напился, или ты так правильно говоришь. А я ещё собирался звонить ей.

– Не советую, прояви терпение, пусть она там переживает. Захочет – сама позвонит.

Павел же воодушевленный нашим разговором, а может алкоголем, без усталости рассказывал про работу и жизнь в Краснодаре. Но я, уже не в силах пересиливать накатывающий на меня сон, постепенно засыпал, а голос Павла, смешиваясь с гулом двигателя автобуса, всё отдалялся и отдалялся, как будто я, медленно погружаясь в воду, опускался на самое дно.

Очнувшись от резкой остановки автобуса, я взглянул в окно. Автобус, остановившись перед перекрёстком, освещал светом фар дорожные указатели. Сопровождающий нас ополченец, выскочив из автобуса, подбежал к указателям, затем, проверив все канавы возле перекрёстка, вернулся в автобус.

– Не понимаю. Нам нужно налево, а по указателю нужно сворачивать направо, – обратился он к водителю.

– Так это наши при отступлении могли все указатели поменять, «укров» путают, – сняв с ручника, водитель надавил на газ.

Проехав несколько километров, сопровождающий передёрнул затвор автомата и склонился над водителем.

– Всё Сергей туши фары, сейчас нейтральную территорию будем проезжать.

Спустя некоторое время, повернувшись к окну, я увидел, как на чёрном небе, показались серебряные стрелы похожие на салют, только они летели не вверх, а по диагонали.

– Смотри! – толкнул меня Паша.

– Вижу.

По всему автобуса пошла возня, сопровождавшаяся возгласами парней будивших своих спавших соседей.

– Это «грады», работают! – стараясь перекрыть звук двигателя, крикнул сопровождающий.

– Силовики суки, по нашим ребятам бьют! Раньше только днём стреляли, сейчас и ночью работают.

После того как стрелы растворились в темноте, последовали раскаты от взрывов, приглушаемые гулом двигателя.

Проехав ещё около часа, вдалеке показались огоньки – это были огни посёлка. Нас везли в объезд через Луганскую область. Сделав небольшой манёвр влево, водитель резко затормозил. На обочине дороги стоял парень и махал руками. Лежавший возле него человек, обхватив голову руками, согнув ноги в коленях, спокойно лежал на асфальте.

Сопровождающий, выскочил из автобуса, и подбежал к пострадавшим. Водитель, обернувшись в салон, крикнул:

– Парни, помогите затащить его в салон!

Несколько человек кинулись на улицу, через минуту они втащили пострадавшего, и, уложив его на передние сидения, обступили раненого.

– Давайте ему водки в рану нальём! Нет, у меня в сумке перекись есть! – советовали они, склонившемуся над раненым сопровождающему.

– Мужики, есть кто с медицинским образованием? – крикнул поднявшийся сопровождающий.

– Только в рану ему ничего не лейте, сейчас я бинты из сумки достану! – отозвался парень в глубине салона. – Я так понимаю у него травма головы, а если там отверстие! Мозг к чертям зальёте! – продолжал он пробираясь через толпу парней.

Расступившись перед профессионалом, горе– советчики, отойдя в середину салона, теперь молча наблюдали за действиями недавнего соседа Павла. А раненый парень, лежавший на сидении, всё прижимал руку к своей голове, через пальцы которой ручейками сочилась кровь.

Фокс, который ближе всех находился возле раненого, предпринял попытку расспросить его, пока Пашин сосед оказывал ему помощь.

– Браток, как же это, вас то? На группу напоролись? А почему вы так легко одеты? Ты вон вообще без футболки, а твой товарищ в шортах.

Но раненый только мычал от боли. Не давая Фоксу вразумительного ответа.

– Ну вот, Вовка, вот тебе и война, не успели приехать, а уже раненые, – обернувшись ко мне, сказал Павел.

Всё же Фоксу удалось узнать причину ранения, только не от пострадавшего, а от его друга.

– На мотоцикле мы ехали, ну перебрали немного, ночью этот участок дороги бомбят, – трезвыми ездить страшно, вот и выпили для храбрости. Ну, а потом в столб врезались, я за ним сидел, вылетел на дорогу, а он головой прям об столб.

В салоне после слов пострадавшего, стали раздаваться возгласы негодования, сменяемые шутками про пострадавших.

Въехав в посёлок и проследовав несколько сот метров по грунтовой дороге, я обратил внимание, что, не смотря на позднее время суток, в домах горел свет. На обочине дороги то и дело стали попадаться прогуливавшиеся компании местной молодёжи, не спеша они шли, держась за руки влюблённые парочки. Люди спокойно наслаждались летом, не обращая внимания на боевые действия.

Спустя два часа, смотря в окно, я заметил что, вместо частных домов, всё чаще, стали попадаться кирпичные пятиэтажки, а поселковые магазинчики, сменили сетевые универсамы. Паша, смотревший в окно, сказал мне:

– К Донецку подъезжаем, по времени пора бы уже. Пристально разглядывая окрестности пригорода Донецка, я был крайне удивлён. Название улиц на домах и дорожных указателях были на русском языке. Надписи на украинском языке встречались лишь на рекламных баннерах, что висели над дорогой.

Подъезжая к центру Донецка, впереди, возле одной из автобусных остановок, на дороге лежали расставленные в шахматном порядке белые бетонные блоки. Нанесенные на них красные полосы, предупреждали водителя об остановке, позади них был выложен блиндаж из железобетонных плит, обтянутый вокруг маскировочной сетью. Возле блоков стояли три ополченца с автоматами наперевес, остальных видно не было. В салоне кто-то негромко сказал:

– Не курите, вдруг стрелять начнут!

Приблизившись к блокпосту, водитель сбросил скорость и через несколько метров остановился, заглушив двигатель. Сопровождающий ополченец вышел из автобуса, и подошёл к стоявшим возле блиндажа бойцам.

Один из них обошёл вокруг автобуса, просвечивая фонариком салон. Когда луч тусклого жёлтого света остановился на раненых, он сказал водителю:

– В двух кварталах отсюда станция скорой помощи, если кому нужно – могут выйти.

После того как пострадавших в аварии вынесли из автобуса, в салон заскочил наш сопровождающий и шепнул водителю:

– Трогай, Серёжа, только не газуй и свет не включай, а то нервы у всех на пределе.

Стоявшие на обратной стороне блиндажа ополченцы, светили в салон своими фонариками. Улыбаясь, они поднимали вверх сжатый кулак – символ сопротивления. Нам были рады, нас ждали, они знали – мы пополнение из России.

Проехав блок-пост, автобус снова стал набирать скорость по новой асфальтированной дороге.

– Да, у нас в городе таких дорог нет, – заметил слишком громко Зевс.

– Это перед чемпионатом мира по футболу нам здесь дороги новые уложили, – отозвался водитель. – Эх, разбомбят теперь всё к чёртовой матери!

Наш автобус мчался по ночным улицам Донецка, которые утопая в ночной зелени, встречали нас начисто выметенными тротуарами. То, что город был на осадном положении, напоминали лишь агитационные баннеры. Растянутые над дорогой или прикрепленные к фонарным столбам, они гласили: «А ты вступил в народное ополчение Донбасса!?».

* * *

В половине четвёртого ночи мы остановились на остановке. Вокруг были трёхэтажные дома, скорее всего ещё Сталинской постройки, все стены, выходившие к дороге, были оклеены множеством объявлений, повсюду росли тополя и хвойные деревья. Бордюры вдоль дорог напоминали сточившиеся зубы старого пса. Скорее всего, это был спальный район. Ухоженность центра Донецка, отстроенного перед чемпионатом, резко сменялась контрастом перед убожеством отдалённых районов.

На правой стороне главной дороги вниз уходила аллея вымощенная плиткой. Вдоль неё были высажены маленькие кустарники. Сопровождающий нас парень, неспешно встал с сиденья, подтянулся, и растягивая слова, сказал:

– Ну, всё, парни, на выход... приехали.

Покинув автобус, мы направились к одной из лавочек – находившихся на аллее. На ней, сидел парень в чёрной футболке и камуфляжных штанах. Он разговаривал по телефону и как будто не замечал прибытия в столь поздний час уставших от долгой дороги гостей. Закончив свой разговор, он не спеша направился к нам. Подойдя к сопровождавшему нас парню, он пожал ему руку, и, поинтересовавшись у того как прошла поездка, достав из кармана блокнот, представился.

– Доброй всем ночи. Вы прибыли в город Донецк, который на данный момент с трёх сторон находится в окружении, а также в городе действуют диверсионные группы противника. Поэтому – ведите себя тихо, и, по возможности, курите только в помещениях со светомаскировкой на окнах. Мой позывной «Серёга-24», если возникнут вопросы, обращайтесь, но позже. Сейчас организовано следуйте за мной.

Быстро развернувшись, он направился вниз по аллее, а наша группа вновь лишилась той недолгой свободы, которая была у нас в пути.

Пройдя по аллее, мы подошли к зданию, построенному в классическом стиле. Над главным входом, висела вывеска гласившая: «Донецкий юридический институт МВС Украины». Возле цоколя главного фасада были установлены люминесцентные фонари, лучи которых, отражаясь от белых стен, подсвечивали здание голубоватым светом. В палисадниках, окружавших главные здания по периметру, росли голубые ели. Везде были идеально подстриженные газоны. Я был очень удивлен, пройдя через серые и невзрачные дома, увидеть такую роскошь. За главным зданием был огромный плац, с расчерченными на нём линиями для строевой подготовки. Плац окружали здания хозяйственного назначения: столовая, два корпуса общежития, спортивный комплекс.

Абитуриент, приехавший поступать в этот «ВУЗ» из глубинки, мог почувствовать всё величие этого учебного заведения ещё на пороге, а может абитуриенты с глубинки сюда уже поступить не могли. Ведь студенты, после обучения в этом храме юридических наук, станут частью правоохранительной системы. И, наверняка, будут видеть все эти убогие дома спальных районов из окон ведомственных автомобилей.

Подойдя к арке, которая соединяла главное здание с одним из корпусов, Серёга-24 командовал:

– Постройтесь в шеренгу по двое, мне нужно вас посчитать.

Пока Серёга-24 сверял фактическое наличие вновь прибывших добровольцев со своим списком, я поднял голову вверх. Ночной ветер, не спеша покачивал верхушки елей. Исходивший аромат хвои от голубых красавиц настолько был сильным, что закрывая глаза, я оказывался в ночном лесу, наполненном безмятежной тишиной, которую изредка нарушал Серёга-24 и еле различимые звуки выстрелов дальнобойной украинской артиллерии, которые нещадно уничтожали окраину города, – странное сочетание войны и мира.

После проверки нас разместили в одном из корпусов института. Это был корпус общежития, в котором жили студенты, обучавшиеся на дневной форме обучения. После того как на Донбассе были организованы митинги за проведение референдума, работа института была временно приостановлена, студенты распущены по домам, а сотрудники и преподаватели, сочувствующие митингующим, были уволены.

Корпус общежития, в котором нас поселили, представлял собой отдельное четырёхэтажное здание. На третьем этаже, куда нам приказали заселяться, тянулся длинный коридор. Жилые комнаты в нём располагались по обе стороны и тянулись до самого конца в шахматном порядке.

Внутренняя обстановка общежития существенно отличалась от внешнего вида главного здания. Было такое ощущение, что косметический ремонт там не производился лет двадцать. На линолеуме были латки, двери в некоторых комнатах были трухлявыми, с огромными щелями между стыками. Но были несколько дверей из нового дерева, они были покрыты жёлтым лаком, и на них висели таблички: «Старший по этажу», «Командир учебной роты», «Завхоз».

Мы с Павлом зашли во вторую от входа комнату. В ней никого не было и поэтому Павел, бросив сумку на кровать, сказал:

– Занимаем.

Комната была оклеена светлыми обоями, около стен стояли две пары двухъярусных кроватей, а перед окном находились две тумбочки для личных вещей, использовавшихся как стол. Осматривая кровати и прохаживаясь по комнате, я никак не мог определиться с выбором места для сна. Вдруг, в отворившуюся с треском дверь, заскочил высокий парень, и, не говоря ни слова, пробежав к окну, кинул свою сумку на кровать передо мной. Затем он также бесцеремонно стал осматривать содержимое ящиков одной из тумбочек. Через мгновение в комнату вошёл парень, оказывавший медицинскую помощь раненым в автобусе. Кинув свою сумку на нижнюю кровать, которая была ближе к окну, он развернулся к нам.

– Шершень, – сказал я, протягивая ему руку.

– Куба, – ответил он, и, кивнув Павлу, резко развернувшись к своей кровати, пристально уставился на высокого парня.

Долговязый, укладывая свои вещи на верхний ярус, взял в руки тазик, предназначенный для мытья полов, лежавший на его кровати, и молча сунул его под кровать, на которую бросил свою сумку Куба.

– Ты что сделал? – с ненавистью прошипел Куба.

– Ничего я не делал, – невозмутимо ответил тот.

– Ты, зачем мне таз под кровать сунул? Ты, что меня подловить хочешь?

– Никого я не хотел ловить, я просто тазик со своей кровати убрал!

– А почему под мою кровать? А ну, убирай его! – сказал Куба голосом, переходившим в хрип.

– А куда я его уберу? – возразил долговязый.

Наблюдая за назревавшим конфликтом, я, взяв в руки таз, протянул его долговязому.

– Ну, что ты обостряешь, брось его в угол возле двери, а лучше отнеси в умывальник...

Долговязый, взяв у меня таз что-то бормоча себе под нос, направился к выходу. Павел, стоявший посередине комнаты, широко улыбался.

– На алкаша похож, видно от водки у него совсем мозгов не стало, весело нам с ним будет, – сказал Павел.

– Сдаётся мне, что тазик он убирать не хотел не из-за дурости, тут что-то другое – нужно его проверить, – присев на кровать, сказал я.

– На что ты его проверишь и как? – спросил Павел.

Главное вы молчите и во всём соглашайтесь, а ещё старайтесь не смеяться, а я что-нибудь придумаю.

Вернувшись из умывальника, долговязый зашёл в комнату, и молча забрав свои вещи с места над Кубой, кинул их на кровать, которая находилась ближе к выходу. Сняв с себя кроссовки, он, разложив матрац, лёг на него и отвернулся к стене лицом.

– Как твой позывной? – обратился я к нему.

– Угрюмый! – не оборачиваясь, ответил он.

– Угрюмый, зачем ты Кубу в уборщики хотел определить? – сдерживая смех, спросил я.

– В какие уборщики? Никого я ни куда не хотел определять! – резко развернувшись, Угрюмый вскочил, и присев на кровать, стал смотреть то на Кубу, то на Павла, наблюдая за их реакцией.

– Значит, ты не хочешь признаваться? И вины за свой поступок не чувствуешь?

– Я за собой ничего не чувствую, ясно тебе?! – закричал Угрюмый.

– Хорошо. Мы ожидали от тебя такого ответа, и поэтому решили, что если ты вины за собой не признаешь, значит и извиняться перед Кубой не будешь. С таким соседом мы в одной комнате жить не хотим. Поэтому, Угрюмый, пока по-хорошему просим... выламывайся из «хаты»!

Лицо Угрюмого побелело, он, окинув каждого из нас вопросительным взглядом, будто ожидая какого-то чуда, уставился на дверь. Но чудо не приходило, и повисшая тишина всё более давила на него.

– Я не буду выламываться! Нашли дурака! – вдруг громко крикнул, он, и, вскочив с кровати, вытянулся во весь рост.

– Да ты сидел! – восторженно воскликнул я.

– Да! Я сидел, а что здесь такого? К тому же на сборном пункте мне Иваныч сказал, что судимость здесь значения не имеет, так что – это моё личное дело.

– Так это в корне меняет дело, – рассмеявшись, ответил я. – Значит ты, зная уголовные законы, намеренно пытался определить Кубу в уборщики! Теперь мы спросим с тебя как с понимающего! Ну, что молчишь, согласен?

– Я не согласен! Я не согласен! Это беспредел!

В комнату вошёл Док, и, увидав свободную кровать возле входа, сунув под неё свою сумку, рухнул на неё, не раздеваясь.

– Ну, так что, Угрюмый, может ты сам себе наказание выберешь... или выламывайся!

– Ребята, ну хватит вкалывать! – отойдя к кровати Дока, протянул Угрюмый.

Первым не выдержал Паша, рассмеявшись, он отвернулся от Угрюмого, затем, покопавшись в своей сумке, достав оттуда мыльницу, направился к выходу. Куба, который лёжа на кровати наблюдал за спектаклем, отвернувшись к стене, стал громко хохотать. А Док, не отрывая лица от подушки, пробормотал:

– Парни, давайте спать. Кто знает, во сколько нас завтра разбудят.

Выключив свет, я, не раздеваясь, запрыгнул на верхнюю кровать над Кубой. Но через мгновение отворившаяся дверь запустила в комнату тусклый луч коридорного освещения, в проёме показалась голова парня, который в Ростове был помощником на кухне.

– Парни, бельё постельное выдают, идите получать...

– Отложи пять комплектов, завтра заберём, – перебил его Док.

Дверь закрылась и наша комната вновь наполнилась крошечной тьмой из-за светомаскировки, накинутой на окно. И только открытая форточка связывала нас с улицей, откуда из курилки доносились голоса ребят, которые вели дискуссию по поводу неровно выложенного перекрытия в одном из пролётов здания.

«Наверное строители, как будто обсуждать больше нечего. Их завтра может уже не будет, а они такую чепуху обсуждают».

И всё же мне не верилось, что мы приехали на войну. Большинство ребят вели себя настолько спокойно, как будто бы они знали, что завтра Серёга-24 соберёт нас всех и объявит:

– Всё, ребята, война кончилась – всем спасибо, все свободны.

Створка форточки, покачиваясь на ветру, издавала едва слышимый скрип, под который я быстро уснул.

* * *

Проснувшись утром, я открыл глаза. Причиной моего пробуждения был чей-то громкий голос. Кто-то, разгуливая по коридору и открывая двери комнат, предлагал всем поучаствовать в разборке автомата.

Отвернувшись от стены, я посмотрел вниз. Сидя на кровати, Павел натягивал свои кроссовки. Увидав, что я проснулся, он спросил:

– Вовчик, в разборке и сборке автомата потренироваться не хочешь?

– Пусть вон колхозники и строители тренируются, я его в армии два года разбираю и собираю, а толку?

– Ну, как знаешь, а я пойду, давно в руках оружие не держал. Заодно Фокса навешу.

После ухода Павла уснуть я уже не смог. Наша комната напоминала мне больничную палату, такие же стены, кровати, и такая же зелёная тоска. Проснувшись к тому времени парни, молча лежали на своих кроватях, как будто ожидая оглашения своего диагноза доктором, который всё никак не приходил.

– Как ты думаешь, нас сегодня покормят? – обратился я Кубе.

– Кто их знает. Сам же слышал, что вчера Серёга сказал, город на осадном положении.

– Угрюмый, ты бы сходил на «взлётку»⁷, нашёл бы кипятка, всё равно не спишь, – сказал я.

Тебе надо – ты и иди, – буркнул он.

– Вот «урка», значит не хочешь пользу коллективу приносить! Ну да, ты же не в камере, а мы не уголовники, а то бы ты уже «чифир»⁸ на скрученной простыне разогревал. Ну, прохладжайся, прохладжайся.

Спрыгнув с кровати, я вышел в коридор. Отыскав дверь умывальника, и зайдя внутрь, я увидел, что весь пол был залит водой. Повсюду на разноцветных верёвках висели постиранные вещи, будто нас заселили сюда не вчера, а неделю назад. Из пяти раковин рабочие краны имели только три, остальные использовались как урны. Они были наполнены пустыми флакончиками от шампуней, гелей для душа, и обвёртками от мыла. Но даже в исправном умывальнике, помыться по-человечески не удалось. Вода текла очень тонкой струйкой, так, что моего терпения хватило только на то чтобы умыться и почистить зубы.

Спустившись в курилку, я увидел мужчину лет сорока пяти, с очень загорелой кожей. Его невзрачные пыльные штаны прикрывали потрескавшиеся туфли со сносившейся подошвой. Выделялась только новая чёрная футболка с шевроном на рукаве. В одной руке он держал карабин, а в другой сигарету. Делая паузы между словами, он глубоко затягивался, стараясь вдохнуть как можно больше, и выпуская дым через ноздри, продолжал свой рассказ.

...Добирался до этого места я три дня – днём прятался в полях, а ночью шёл. Думал к своим уже не выйду. На третий день попал под обстрел. Уже успел с жизнью попрощаться, но Бог миловал – только в пыли извалялся. А вообще моя цель – дойти до Батки и к казакам пристать, потому как я – казак. Здесь сил наберусь, и снова в путь. А пока дали мне карабин и закрепили за этим институтом, периметр охранять... – прервавшись, он затушил сигарету об урну, и, посмотрев на всех спросил:

– Вы, ребята, меня ещё сигаретой не угостите?

Один из парней, сидевших на лавочке, протянул ему пачку.

– Парни, заканчивай перекур, приказано всем строиться перед входом, – сообщил нам парень, спускавшийся по ступенькам.

Побросав недокуренные сигареты в урну, все поспешили занять место в шеренге. Вышедшие из общежития ребята, образуя новые шеренги, дополняли строй. После того как все были в сборе, в дверях появился Бродяга. Спустившись с крыльца, он встал перед строем. В своей новой отглаженной форме он уже не был похож на того Бродягу, что был с нами в Ростове. В руках у него был пластиковый планшет, в котором находилось несколько листов. Стоявший возле него парень, судя по выражению лица, был его заместителем.

– Значит так, некоторое время, вы будете находиться в этом институте, – обратился к строю Бродяга. – Вашим непосредственным командиром назначен я. Все бытовые и организационные вопросы вы будете решать со мной. Напоминаю, что Серёга-24, в ближайшие дни будет занят, так что отвлекать его по пустякам не советую. Сейчас должен подойти наш инструктор, его приказы также не должны обсуждаться.

Появившийся перед строем человек с красным лицом вероятно и являлся этим инструктором. Повернувшись к нам, он представился.

– Мой позывной Грузин. И по национальности я тоже Грузин. Если у кого-то возникнут, «непонятки», подходите, обсудим, – прервался он и положил правую руку на кобур с пистолетом. – В моё отсутствие, обращайтесь к нему, – махнул он головой в сторону Бродяги. – А теперь о главном. Сколько вы здесь пробудете я не знаю... никто не знает. Так что найдите себе дело, шататься по территории не вздумайте, все передвижения только с разрешения. Кто не знаком с оружием – тренируйтесь в разборке и сборке, для этого я вам свой личный автомат доверяю, – достав из-за спины «АКМ», он передал его Бродяге.

После чего Грузин отозвал Бродягу в сторону и, сказав ему несколько слов, удалился.

Затем Бродяга, что-то шепнув на ухо своему заместителю, направился в общежитие.

– Смотри какой важный стал. Даже строй ему распустил в лом стало, – шепнул я стоявшему рядом со мной Павлу.

Заместитель нашего новоявленного командира стоял в нелепых штанах, которые доходили ему чуть ниже колена, и чёрной футболке сетке. На вид ему не было и сорока лет. С взъерошенными волосами и бегающими глазками он больше походил на тихого алкоголика. Появившись перед строем, он, наконец-то созрев, выдал:

– Ребята, мой позывной Хмурый, сейчас будет завтрак. В столовую мы проследуем строем. Поведу вас туда я. Налево, – крикнул он, и поспешил встать во главе строя, так как все, не ожидая пока он займёт место, двинулись к столовой.

На первое был борщ – настоящий украинский борщ, с мясом. Вторым блюдом было картофельное пюре с котлетой. Из закуски – салат из свежей капусты с морковью – весьма неплохо для осаждённого города.

После завтрака, когда мы вернулись в общежитие, Хмурый попросил нас не расходиться, а оставаться в строю.

– Да, что ещё надо! – не выдержал Фокс и выкрикнул из строя.

– Сейчас Бродяга придёт, и всё скажет, – ответил Хмурый.

– Я к вам сюда не в армию служить приходил, – сказал Фокс и, выйдя из строя, сев на лавочке в курилке, закурил сигарету.

Через несколько минут к нам спустился Бродяга и, как будто не замечая курившего вне строя Фокса, объявил:

– Чтобы предотвратить возможные попытки нападения украинских диверсионных групп на территорию института, Серёга-24 приказал организовать охрану всего периметра, а также все въезды на территорию института. Для этого будут созданы круглосуточные посты, на которых посменно мы будем дежурить. Первый караул, который заступит на службу немедленно, наберём сейчас. Остальные будут дежурить в порядке очереди. Теперь можете разойтись и покурить.

Я подошёл к Павлу, возле которого сидел Фокс и что-то жаростно доказывал ему. Увидев меня, Паша сказал:

– Нужно в караул валить, пока нас в дневальные по общежитию не записали.

– Ты думаешь, дойдёт до таких должностей?

– А ты сомневаешься?

– Согласен, пойдёшь к Хмурому, запиши и меня с тобой в одну смену.

– Ну, вот и хорошо, пойду разыщу Зевса и Кубу – вместе веселее будет, – бросив не докуренную сигарету в урну, Павел отправился в общежитие.

– Да уж, стыдно будет на тумбочке стоять в такие-то годы, – повернувшись к Фоксу, сказал я.

– Хрен им! Я на тумбочку не встану. Пусть меня в «СБУ» отправляют, хоть окопы рыть, но на тумбочку я не встану, – с яростью в глазах ответил Фокс.

Покинув Фокса, я отправился в общежитие. Открыв дверь в нашу комнату, я увидел парня лет двадцати. Он раскладывал военное снаряжение на своей кровати, доставая его из спортивной сумки, лежавшей рядом с ним на полу. Одет он был в новый армейский камуфляж, который только подчёркивал его спортивное телосложение.

– Здорово, какими судьбами к нам? – сказал я, протягивая ему руку.

– Меня из своей комнаты Бродяга выселил, по его приказу все должны размещаться в комнатах, соответствующих своим подразделениям. Командир чёртов, как же он надоел, власть почувствовал, б...

– Ну, тогда располагайся. У нас в отделении Бродягу все недолюбливают, и вообще, здесь все махновцы. Хотя насчёт Угрюмого ручаться не могу, так что поаккуратней, при нём лишнего не говори. А позывной твой какой?

– Да ну их, с этими позывными, к своим я привык по имени обращаться, зовут меня Вова.

– Да мы с тобой тёзки, – ответил я и взобрался на свою койку.

Из открытой форточки виднелось небо, на котором не было ни одного облачка – это предвещало дню быть жарким.

После полудня в коридоре послышался громкий топот вперемишку с голосами. Обувшись, я решил узнать причину этого шума. Открыв дверь, я увидел как в коридоре, выстроившись в шеренгу, стояли незнакомые мне люди в гражданской одежде. Те, кто был постарше, равнодушно слушали ходившего перед ними пожилого мужчину, вероятно, это был старший их группы. Молодые же, с печалью, а то и с испугом на лице, озирались по сторонам. Было их всего человек двадцать, не больше.

...Можете занимать этаж над нами, если что-то понадобится – вы найдёте меня в канцелярии, – сказал Бродяга их старшему, и удалился.

Спустившись в курилку, я присел на лавочку, на которой, докуривая сигарету, сидел старший вновь прибывшей группы добровольцев.

Вы тоже из России? – поздоровавшись с ним, спросил я у него.

Не-е-е-т, мы местные, – рассмеялся он. – Ребята, которые со мной, все с Донбасса. Оружия сейчас на всех не хватает – вот нас сюда и прислали мариноваться, пока не понадобится. Вот только не знаю – зачем меня к ним старшим назначили? Я хоть и майор в отставке, но танкист, а мне этих. Ты понимаешь, я на передовую рвался. Говорю им на призывном пункте: «Ребята, я танкист, мне на танк нужно, хоть водителем, хоть оператором. Я танк как свои пять пальцев знаю». А они мне: «Погоди, мол, отец, танков сейчас нет»

– А что, у ополчения вообще нет танков? – тихо спросил я.

– Как мне сказали сейчас почти нет...

– Я перед армией в военкомате просился, чтобы меня в танковые войска отправили, с детства мечтал танкистом быть, а меня в пехоту. Ничего, здесь обязательно буду стремиться попасть на технику.

– Сынок, да зачем тебе на танк? Я тебе как танкист говорю – вся форма вечно в масле, да уши заложены. К тому же пехота в поле, а в поле не горят.

– Из-за таких пустяков я мечту менять не буду. Попрощавшись с майором, я зашёл в общежитие.

В нашей комнате всё также висела тишина. Только теперь почти все кровати были заняты, ребята дремали, и только Угрюмый капался в своей сумке.

– Угрюмый, а за что ты сидел? – спросил я у него, запрыгивая на свою койку. – Ты, наверно, из сельского магазина бутылку водки украл?

– Это ты из села, а я из Питера, – с усмешкой ответил он.

– Да у тебя же морда протокольная! И как такой как ты, в таком красивом городе родился? – вскочив от удивления, крикнул я.

– Ты-то сам откуда?

– Волгоград, слышал о таком городе? Или ты в школе до трёх классов учился?

– Судя по твоей морде – ты родился там, где надо. Бывал я в вашем Волгограде, проездом. Ночью на перрон вышел сигареты купить, а на меня уже двое косятся.

– Да, это потому, что у нас в городе уродов не терпят.

– Сам ты урод. У вас в городе одни барыги и «гопники», мне об этом ещё в тюрьме рассказывали.

– Тебе в Питере расскажут. Вот я помню, когда у вас в центре гулял – обратился к одному прохожему:

«Подскажите», – говорю, «как к такому-то памятнику пройти». – А он мне столько информации выдал: и в каком году он построен, и какой дорогой к нему лучше идти, чтобы ещё одну достопримечательность увидеть. А я стою и думаю: «Мне бы только до угла дойти, а там всё равно забуду, у другого прохожего спрошу». И в Волгограде жить можно, если знать какие места лучше стороной обходить. А вообще, люди у нас хорошие, нам просто с руководителями не везёт. Что ни мэр – так жулик, другой его заменит – ещё больше воровать начинает. Я читал, что когда Степан Разин со своим войском наш город взял, то по просьбе горожан местного воеводу, мэра по-нашему, на кол посадили. Сколько времени прошло, а ничего не меняется. И хватит нам зубы заговаривать, отвечай, за что срок мотал!

– За кражу, но я не крал! Мужики с работы попросили на машине вещи перевезти, и, как назло, меня на посту гаишники остановили. Вещи краденые оказались, ну, а мне на суде не поверили – три года дали.

– А знаешь, Угрюмый, почему тебя на посту остановили?

– Почему?

– Потому, что у тебя морда не Питерская! – все рассмеялись, кроме Угрюмого.

– Угрюмый, а ты на зоне, услугами обиженных пользовался?

– Ну, а что скрывать, было пару раз.

– И как, понравилось?

– Да ничего особенного, с женой лучше.

– А чем ты им платил? Чаем или сигаретами?

– Ничем.

– Подожди, если за такие услуги не платить, то это беспредел, ты что силой их брал? – продолжал я.

– Никого я силой не брал, прибалтывать нужно уметь.

– Да кого же ты можешь приболтать, чего ты опять петляешь?

– Ну, не я прибалтывал, а пацаны, семейники мои, они приболтали и предложили мне на халяву.

– У вас что там, в семье опущенные были? – поднявшись с кровати, спросил Куба.

Все ребята стали смеяться, и положение Угрюмого становилось всё более шатким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.